

Светлана Меркина

ЖЕНКА
ПРИ ДВОРЕ
ЦАРЯ ИЕТРА

Светлана Меркина

Янка при дворе царя Петра

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68086579
Янка при дворе царя Петра: Буквально; Москва; 2022
ISBN 978-5-9965-0628-6

Аннотация

Современная девочка-подросток попадает в эпоху Петра I, где с ней происходят удивительные приключения. Эта историческая повесть, пронизанная достоверными подробностями XVII века, написана в захватывающей реалистичной манере. Сюжет первой части охватывает малоизвестный период из жизни молодого Петра I продолжительностью в один месяц. Во второй части повести подросшая героиня снова попадает в прошлое. В повествовании есть и исторические факты, и романтика, и любовь.

Книга рассчитана на подростковую аудиторию.

Содержание

Часть I

4

Конец ознакомительного фрагмента.

175

Светлана Меркина

Янка при дворе царя Петра

Часть I

День начинался как обычно. Необычным было разве начало летних каникул и окончание летней практики. А еще необычной была идея об археологическом походе, которая зацепила небольшую группу десятиклассников. Но... обо всем по порядку. Итак, на звалась Татьяной... вероятно смахивает на плагиат, но по другому лучше поэта не скажешь. В действительности главная героиня этого приключения совсем не была похожа на пушкинскую героиню. Девчонка небольшого роста и очень щуплого телосложения совсем не была похожа на своих одноклассниц, эдаких дылд с ногами от ушей и третьим размером бюста. И увлечения ее были отнюдь не дискотеки и косметика, а спортшкола, английский, музыкалка и самбо. Ее родители оба врачи, профессора вечно мотались по разным странам и симпозиумам, поэтому воспитывала ее бабушка. Дружила наша героиня в основном с мальчишками, вечно ходила в джинсах и кроссовках. Среди друзей была своим парнем и они звали ее Янка. На это имя она отзывалась охотнее, чем на данное родителями.

Телефон разрывался на прикроватном столике. Янка, не открывая глаз, взяла трубку.

– Алё.

– Янка! Ты чо, спишь что ли?! – раздался в трубке взволнованный голос.

– Олег, ты? – Янка села на кровати, растерянно ища глазами часы. – Сколько времени?

– Полдесятого! В десять же договорились у Аркадия в музее встречаться! Давай, шевели батонами! Все уже подтянулись! Тебя ждем!

– Уже бегу! – Янка швырнула трубку и сорвалась с кровати. Пулей пронеслась в ванну.

– Танюша завтракать будешь? – послышался из кухни голос бабушки.

– Проспала, ба! – Янка высунулась из ванной с зубной щеткой во рту – Чего не разбудила?

Бабушка ее не расслышала: на плите засвистел чайник.

Заскочив на кухню, на ходу застегивая олимпийку, Янка хвататанула из чашки чаю, надкусила бутерброд и поцеловала бабушку:

– Бабуль мы в поход на неделю! Не волнуйся! Пока! – и выскочила из кухни.

– А с собой-то! Еду какую взяла? – засуетилась бабушка.

– Не надо, бабуль! Уже все давно собрано! – Янка накинула штормовку, надела бейсболку, подхватила сумку, собранную накануне. В свободную руку взяла гитару в чехле.

– Я убежала! Пока! – и исчезла, хлопнув дверью.

– Ох, егоза! Все бегом, спехом! – покачала головой бабушка.

* * *

– Ну, наконец-то! – насмешливо бросил Олег, когда Янка появилась в дверях школьного краеведческого музея – не прошло и года!

– Привет! – Янка быстро зашла. – Здравствуйте, Аркадий Ильич! – поздоровалась она с историком, по совместительству заведующим музеем. – Извините за опоздание, будильник подвел.

– Да ничего – Аркадий Ильич, поправил на носу очки. – Так друзья мои! – обратился он к собравшимся ребятам, которые упаковывали палатки и провизию. – Сообщаю, что вы едете без меня! Увы, есть причина!

– Как же так, Аркадий Ильич! – девчонки огорченно посмотрели на историка.

– Ну что поделать, – он развел руками. – Но ничего, план похода у вас имеется. Карта у Олега. Он и будет руководителем экспедиции! – Аркадий Ильич оглядел ребят.

– Жалко, конечно, что вы с нами не идете – вздохнула Ян-

ка. – Олег, а чего ты навигатор не взял?

– Туда, куда мы направляемся, никакая связь не доходит – улыбнулся Олег. – Так что с картой и компасом будет надежнее. А у тебя чего то и вещей нет Янка.

– Зато фотик папанин, плеер есть – Янка продемонстрировала фотоаппарат «Полароид».

– Ты бы еще на трех ногах старинный прихватила, – засмеялась Ленка.

– Зато с фотками возни никакой, – возразила Янка – У меня и кассеты с собой. А ты чего в рюкзак наложила? Кирпичи, что ли?

– Не, она косметику прихватила – засмеялся Серега – на всех!

– Ну, хватит ребята! – строго произнес историк. – Значит, проверили, все ли на месте. Список участников отдали мне. И счастливого пути!

Затем Аркадий Ильич быстро провел инструктаж по технике безопасности и команда десятиклассников под командованием Олега с рюкзакам и палатками шумно покинули пределы школы.

* * *

Вывалившись из электрички, ребята пошли через лес по тропинке. Олег шел впереди с развернутой картой и все время сверял маршрут по компасу. Янка шла практически ря-

дом ним и периодически заглядывала в карту. Под вечер решили сделать привал на симпатичной полянке возле реки. Мальчишки начали ставить палатки, девчонки собирали хворост для костра. Янка долго изучала карту, потом подошла к Олегу.

– Олег, можно я тут по окрестностям кружок сделаю. Для разведки. Не бойсь, далеко не уйду, у меня тоже компас есть.

– На ночь глядя? Какая необходимость, Янка?

– Ну, просто интересно! Я недалеко и быстро, а?

– Ну, ладно! Если только так – кивнул Олег. – Будь осторожна!

– Ладно, не волнуйся! – и Янка, прихватив гитару, исчезла за кустами.

* * *

Янка шла наугад, не боясь заблудиться. Она вообще ничего не боялась. Скоро лес начал сгущаться, и вместо тропинки на пути стали попадаться сухие ветки, трава, папоротник. Стемнело и Янке стало немного не по себе. Но она продолжала идти вперед. Наконец деревья стали чуть реже. Янка прибавила шаг, но потом остановилась. Раздвинув кусты, она увидела углубление в земле. Подошла поближе. Вниз под землю сходили ступеньки, тянуло сыростью.

– Подземный ход! – обрадовалась Янка. – Ну и везет же мне! Жаль, ребят нет, ну ничего, сама исследую, – и она

осторожно стала спускаться по ступенькам, обросшим мхом. Внутри было темно, и Янка достала фонарик, продолжая идти. Свод был низкий, но для Янки в самый раз, ей даже нагибаться не пришлось. Через какое-то расстояние ход повернул. Осторожно ступая, Янка шла дальше, освещая путь фонариком. Вдруг фонарик потух.

– Вот, блин! – выругалась Янка, – ведь точно помню, что заряжала, зараза, – и она пошла на ощупь, пытаясь включить фонарик.

Вдруг она обо что-то споткнулась и упала, выронив фонарик. Поднявшись, и тихо чертыхаясь, она подняла фонарик и удивленно открыла рот: он горел, как ни в чем не бывало. Янка пожалала плечами и осветила то, обо что споткнулась. Это был камень величиной с лошадиную голову. Аккуратная по своей природе Янка решила его убрать, чтобы больше никто не споткнулся, но, несмотря на его небольшие размеры, она не только не смогла его поднять, но и сдвинуть с места, будто камень был накрепко прибит или приклеен к этому месту. Повозившись немного, Янка досадливо плюнула на него и пошла дальше, прихрамывая на ушибленную ногу. Ход был такой длинный, что Янка начала сомневаться есть ли у него выход. Наконец, за поворотом свет фонарика уперся в какую-то дверь. Янка подошла поближе.

– Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, – начала в полголоса рассуждать она, – эта дверь и есть начало подземного хода.

Янка толкнула дверь, но та не сдвинулась с места. Тогда Янка нащупала большое кольцо и потянула за него. Дверь поддалась, и Янка с любопытством шагнула за эту таинственную дверь.

* * *

Первое, что она увидела, был тусклый свет свечи. Потом, приглядевшись, рассмотрела бородатого мужчину в странной одежде со свечой в руке. Он, по-видимому, что-то искал. Кругом стояла всякая рухлядь, сундуки, кувшины и прочая ерунда. Янка привычно осветила мужика фонариком и спросила:

– Извините, как мне выйти отсюда?

Тот широко открытыми глазами глянул прямо на горящий фонарик, вздрогнул, закрестился и заорал:

– Чур, меня! Чур! Нечистая! – и с воплем убежал.

Янка выключила фонарик, взяла свечу и пожала плечами:

– Псих что ли?

Вздыхнула, и, обходя сундуки, последовала за тем странным человеком. Увидела несколько ступенек, ведущих вверх, и еще одну дверь. Из-за двери доносился приглушенный разговор:

– Дьявола видал! Одним глазом смотрит! Я чуть не ослеп! Как появился, не ведаю! Вот те крест!

Дверь чуть приоткрылась, из-за нее на Янку глянули чьи-

то настороженные глаза. Потом дверь распахнулась. На пороге стояла женщина в русском старинном сарафане и лаптях. Сзади маячил тот самый бородач.

– Ну и де ж твой дьявол? – улыбнулась женщина. – Не видишь, отрок это, мальчонка. Ты откуда тут? – обратилась она к Янке.

– Я по подземному ходу, а потом вот... – Янка немного растерялась и оттого, что ее называли отроком, и оттого, что они так одеты. Мужик, тем временем, не переставая креститься, бормотал:

– Обратился, ей Богу, обратился! Свят, свят, свят! – и ша-рахнулся в сторону, когда Янка вышла из подвала.

– Тю, на тебя! – рассердилась на него женщина, – Кликуша! Смотри, не рассыпался, значит и нишкни, пьяница прогорклый! Все тебе спяну черти мерещатся! Иди, давай, спать! Али ухватом поглажу!

Мужик, крестясь, быстренько смотался, а Янка даже улыбнулась на эту перепалку, немного непривычную для ее слуха.

– Ах ты, горемыка, – обратилась к ней женщина и взяла у нее свечу, – ну пойдём со мной, не бойся, – и, она повела Янку по коридору какого-то здания. Янка шла за ней, все больше удивляясь и оглядываясь по сторонам. В этот момент она сделала для себя единственный вывод: раз решила стать актрисой, так надо сыграть роль мальчишки, если ее не раскрыли.

Женщина привела Янку в какую-то темную комнатенку без мебели. При тусклом свете свечи Янка разглядела только лавку да в углу нечто напоминающее топчан, накрытый мешковиной.

– Седай, – женщина усадила Янку на лавку, – есть то хочешь?

– Немного, – смутилась Янка. Женщина протянула ей кусок хлеба.

– Спасибо, – Янка убрала хлеб в сумку, удивляясь еще больше.

– Откуда ж ты такой? – женщина присела рядом на лавку.

– Из Москвы.

– Ой, ты, а сюды-то зачем? Неужто пёхом?

– Нет, из Москвы на электричке, а дальше через лес. У нас археологический поход.

Женщина ее не поняла:

– Чегой-то несешь ты, не пойму я. И одет чудно. Не из-за моря?

– Я чудно?! – Янка даже привстала, – По-моему, это вы – чудно! У вас тут, что народный театр или психушка? Объясните мне, пожалуйста, я ничего не понимаю!

– Тю-тю, не кричи, – женщина снова усадила ее и улыбнулась, – Что ты, спят уж все во дворце, – наклонилась к самому уху Янки, зашептала, – Ничего из речей твоих горячих не поняла. Ты попроще спроси.

– Где я нахожусь?! Какой дворец?! – Янка даже вспотела

от волнения.

– А находишься ты во дворце села Преображенское. В царском дворце.

– Сумасшедший дом! – простонала Янка, потом повернулась к женщине, – Но ведь этого села давно нет!

– Да как же нет – вот оно село!

– Хорошо, допустим, – успокаивающе для себя или для нее сказала Янка, – Тогда какой же сейчас год?

– Известно какой, одна тыща шестьсот восемьдесят восьмой от Рождества Христова.

– Что?! – у Янки потемнело в глазах, мгновение спустя, словно молния ее поразила догадка: переброска во времени! Пульсирующими толчками всплыли – падение, камень, дверь – все в один момент.

– Значит я во дворце, – сделала она вывод упавшим голосом, – А кто тут живет?

– Царица-матушка, Наталья Кирилловна, – нараспев начала женщина, – с братом боярином, а еще государь, надежда наша, красное солнышко.

Янка невольно улыбнулась такой не обычной для ее слуха манере рассказа:

– Государь? А почему надежда?

– А потому как ему семнадцать лет только исполнилось, голубь сизой, – женщина погладила Янку по плечу.

– Почти ровесник, – одними губами произнесла Янка, – Что же мне делать? – она вопросительно посмотрела на жен-

щину.

– Ой, голубь, ночь на дворе. Ты ночуй уж, а утром я тебя выведу отсель потихоньку. Ложися вот здесь на лавке, – заботливо сказала женщина. Янка, однако, совсем не хотела спать. Сердце колотилось и сжималось от мысли, что ребята ее ждут. Этот вопрос волновал ее в данный момент больше всего. Дворец, царь – чертовщина какая-то.

Женщина тем временем погасила свечу.

– Отдохни, голубь, – и она вздохнула, – откуда ж ты такой? Звать-то как?

– Янка, – пробормотала Янка, сняв с себя сумку и гитару, и поудобнее устраиваясь на лавке.

– Эко имя чудно, Янка. А меня вот Агашкой кличут, – женщина снова вздохнула в темноте.

– А как вашего отца звали? – спросила Янка.

– Тихоном, царствие ему небесное.

– Значит, вас зовут Агафья Тихоновна, красиво.

– Эк ты, ласкун какой, – растрогалась Агафья Тихоновна, – меня отродясь так не называл никто. И откуда ты такой взялся?

– Вы мне не поверите, но я из будущего.

– Устал ты, Янка, спи-ка лучше, – женщина подумала, что это сказано от усталости.

Янка печально вздохнула и закрыла глаза.

Проснулась она рано. Протерла глаза, надвинула поглубже бейсболку, одернула олимпийку, застегнула штормовку, села на лавке, потянулась. Потом встала надела сумку и взяла гитару. Вошла Агафья Тихоновна.

– Доброе утро, Агафья Тихоновна, – улыбнулась Янка.

– Ах ты, голубь сизой, встал уже, – она тоже улыбнулась, – а и рано еще, солнышко не взошло.

– Да, только полпятого, но мне пора, Агафья Тихоновна.

– Ну, пошли, провожу тебя, – вздохнула та.

Янка потихоньку пошла за ней. Вышли на задний двор через черный ход. В сером утреннем воздухе висела прохлада. Янка слегка поежилась. Пришлось немного подождать за углом, пока пройдет группа стрелцов, охраняющих дворец. Потом Агафья Тихоновна подвела ее к маленькой калитке в заборе.

– Вот, голубь, лети теперя, там тропинка есть, в аккурат к деревне выйдешь, а там, куда уж захочешь. Хлеба-то возьми.

– Спасибо вам, Агафья Тихоновна, – Янка пожала руку удивленной женщине, – жаль, нечего мне вам подарить. А я вас сфотографирую! – Янка вытащила «Polaroid».

– Ой, голубь, не ведаю речей твоих, – испуганно перекрестилась Агафья Тихоновна.

– Это совсем не страшно, – Янка зарядила фотоаппарат, –

Смотрите в это окошечко, улыбайтесь. Сейчас вылетит птичка! – и сделала два дубля. Кассеты тут же проявились в два цветных снимка. Один Янка отдала ей:

– Вот ваш портрет, Агафья Тихоновна.

– Ой, ты, батюшки! – всплеснула руками та, – Да и вправду я! – она взглянула на Янку, – Ах, ты, голубь белый, – она растрогано прижала Янку к себе, – никто сроду со мной так не обращался, как с барыней, все как с дворовой.

– До свиданья, Агафья Тихоновна, – Янка остановилась у калитки и обернулась, – вы очень хороший человек! Прощайте!

– Бог тебя благослови, – утирая слезы и прижимая к себе фотографию, сказала Агафья Тихоновна.

Янка юркнула в калитку и почти бегом зашагала по тропинке, потом обернулась и остановилась.

Куда идти? Ведь она в чужом веке. И она решила никуда не уходить, а поподробней все разузнать. Все-таки не каждый день выпадает такой шанс. Тем более здесь еще и царь, заманчиво и страшно. Янка отошла к близ растущим деревьям, расстелила на траве штормовку и решила вздремнуть в тени тополя, росшего метрах в ста пятидесяти от забора, огораживающего дворец.

* * *

Проснулась она от шума, доносившегося с лужайки перед

дворцом. Открыла глаза: уже во всю светило солнце и было уже где-то около одиннадцати часов дня. А на лужайке шумели какие-то ребята примерно ее возраста. Янка осторожно приблизилась к забору.

Ребят было человек двадцать. Все они строились в шеренгу, держа на плечах допотопные ружья. Из дворца выбежал светлоголовый высокий парень и крикнул:

– Во фронт! Бомбардир идет! – и сам встал во главе строя. Из дворца стремительно вышел высоченный парень, темноволосый, кудрявый, круглолицый. Большие темные глаза смотрели твердо и уверенно, рот под едва пробившимися усами был сжат. Сдвинутые брови придавали лицу строгое и грозное выражение. Ворот белой широкой рубашки был расстегнут.

Янка окинула его взглядом и тихо удивленно ахнула:

– Да ведь это же Петр Первый! Вот это да!

А Петр остановился перед застывшим строем. Белобрысый парень вышел вперед:

– Господин бомбардир! Бомбардирная рота к бою готова!

Петр кивнул, потом дернул головой вверх:

– Здорово, молодцы!

– Здра жла гдин бдир! – стройно отозвались из строя. А

Петр заговорил:

– Взять надобно нам крепость неприятельскую да чтоб бой был! Готовы?

– Готовы! – все ребята выстроились по направлению к

крепости. Янка пригляделась: в нескольких десятках метров от строя виднелся земляной вал, деревянные колья. Из-за них выглядывали бородатые лица каких-то мужиков. Янка крадучись вдоль забора пробралась поближе к валу.

– С Богом! – крикнул Петр еще срывающимся юношеским баском. И вся его команда с криком «ура» кинулась на крепость. Они еще не добежали, а мужики уже побросали ружья и подняли руки вверх. На них как ураган налетел Петр:

– Не так! Не так! – заорал он, краснея от ярости. – Биться должны! Сначала, все сначала!

И, ударив одного мужика прикладом по голове, отбежал на исходную позицию за отрядом.

Янка перелезла через забор и, пригнувшись, подбежала к мужикам. Они кряхтели и вздыхали. Янка неожиданно появилась в крепости.

– Попало? – спросила она, спрыгивая к ним в окоп. Они недоуменно обернулись.

– Ты кто такой? – спросил один.

– А вот это совершенно неважно. Но этот бой вы должны выиграть, – серьезно сказала Янка, – дайте мне шпагу! – она сняла гитару и сумку и положила их в кусты. Мужики, удивленные таким тоном, подали ей шпагу с защитой на конце, какая бывает у спортсменов-рапиристов. Янка обернулась к ним:

– Ну что, дадим царю прикурить? Или струсили? – она нагнула бейсболку почти на глаза и оглядела мужиков. Они

мялись.

– Так ведь царь, – осторожно сказал кто-то, – ему ведь что не так, батоги сразу.

– Все будет так, – успокоила Янка, – главное, ничего не бойтесь, если что, я за всех отвечаю. Мы должны победить в этой игре.

Она поглядела в сторону отряда Петра: они уже снова пошли в атаку. Самым первым бежал тот белобрысый парень с ехидным выражением лица и жестким взглядом прозрачно-голубых глаз.

– Кто это? – спросила Янка мужиков, указывая шпагой в сторону наступавших.

– Алексашка, правая рука царя, – был ответ.

– Ясно. – Янка подняла шпагу. – Внимание! Приготовились! Вы куда?! – Янка обернулась и увидела, что мужики испуганно столпились в кучу и ретировались. – Ну и черт с вами! Без вас управлюсь! – она презрительно взглянула на мужиков и выпрыгнула из окопа на вал, выставив шпагу. Алексашка увидел ее, остановился и обернулся к подбежавшему царю:

– Мин херц, гляди-ка!

– Кто таков? – в полголоса спросил Петр.

– Э! Сопляк! Ты откуда взялся? – вызывающе крикнул Алексашка. Янка оскорбилась и громко гневно сказала:

– Я командир отряда этой крепости! А за оскорбление я вызываю тебя на поединок! На размышление даю три секун-

ды!

Ей ответил дружный хохот. Алексашка подошел к Петру, единственному, кто не смеялся:

– Мин херц, позволь, выпущу киши наглецу!

Петр кивнул и, прищурившись, стал наблюдать, что будет дальше. Алексашка подошел к валу:

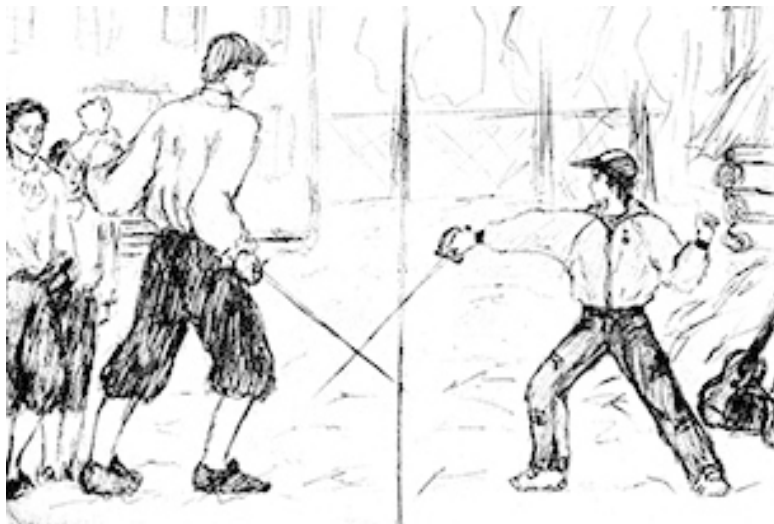
– Э! Я принимаю твой вызов! – он вытащил шпагу и насмешливо добавил, – Мне жаль тебя, щенок!

– Оставь свою жалость себе! – Янка спрыгнула с вала на землю и встала в трех метрах от Алексашки. Она поняла, поединок будет настоящий, поэтому сняла защиту с наконецника шпаги.

– К вашим услугам! – она встала в позицию.

Алексашка с усмешкой рубанул с плеча. Янка умело отразила удар. Все затихли. Тогда Алексашка перешел в настоящее наступление. Янка дралась на шпагах как д'Артаньян, ни один удар еще не коснулся ее. Потом перешла в наступление она. Алексашке пришлось туго: он едва успевал отражать удары Янки.

– Это тебе за сопляка! Это тебе за щенка! А это тебе за меня! – приговаривала Янка сквозь зубы, крестя Алексашку шпагой и прижимая его к забору. Потом ловкий выпад вперед и Алексашкина шпага уже у нее в руках. Он испуганно прижался к забору. Янка приставила шпагу ему к горлу:

– Ну, кто из нас сопляк?! Прости меня! Ну?! – она надвинулась на чуть дышавшего Алексашку.

– Довольно! – вдруг послышалось сзади.

Янка обернулась. К ней подходил Петр.

– Довольно! – уже тише повторил он, обращаясь к Янке, –
Отпусти его, ты победил.

Янка освободила Алексашку:

– Говори спасибо, что остался жив, хвостун!

Меньшиков отошел к Петру, опасливо косясь на Янку, и из-за его спины пригрозил:

– Попадешься еще! – сплюнул и, тяжело дыша, отошел к ребятам. Петр насмешливо поглядел ему вслед, потом снова

посмотрел на Янку. Она воткнула шпаги в землю, не спеша, сходила за своими вещами и подошла к Петру. Склонив голову набок, она поглядела снизу вверх ему в глаза. Он усмехнулся, оглядел Янку медленным взглядом и остановился на значке, приколотом к ее штормовке.

– Как звать? – повелительно, но мягко спросил он.

– Имя, Янек, зовут Янка, – спокойно ответила она, прищурилась, – А тебя как звать?

Петр изумленно открыл рот: его поразила такая смелость в обращении. Вся его команда застыла в недоумении. Алексашка побледнел и, кривя губы, крикнул:

– Как ты смеешь так с государем разговаривать?!

Янка насмешливо обернулась к Алексашке:

– А с вами, сэр, мы уже поговорили, не правда ли? Или желаете продолжить?

Ребята прыснули от смеха. Алексашка сделался пунцовый от злости, но ничего не сказал, а только часто задышал и сжал кулаки. Янка снова повернулась к Петру:

– Ну, чего молчишь? Язык проглотил?

Петр дернул бровью, губы у него дрогнули, он дернул головой и, сдерживая улыбку, тихо сказал:

– Петр, – потом после паузы добавил, – Алексеевич.

– Ну, здравствуй, бомбардир! – Янка протянула ему руку, он удивленно пожал ее.

– Откуда тебе известно мое звание?

– Да вообще-то я все про тебя знаю.

– Откуда? – изумился он, и взгляд его стал тревожным.

Янка смутилась:

– Понимаешь, долго объяснять, – и тут же сменила тему, – Послушай, ты не мог бы отпустить тех мужиков, то я смотрю, толку от них маловато. А?

– Зачем? – Петр еще больше удивился и насторожился.

– У них наверно дел по горло, да и не похожи они на воинов, так недоразумение одно. Ты лучше себе побольше молодежи набери, интереснее будет. Согласен?

– Добро, – согласился Петр и подошел к валу, – Ступайте! – велел он мужикам. Они тут же побросали ружья и, кланяясь, ушли. Петр проводил их взглядом, потом обнял Янку за плечо, и они рядом пошли к отряду.

– Откуда ты? – спросил Петр. Говорил он уверенно, но как-то осторожно. Он был как замороженный, его тянуло к этому странному мальчишке, и от этого было не по себе. Янка в свою очередь опасалась его, однако оба они не подавали вида.

– Это сложно объяснить, – сказала Янка, – ты можешь не понять, – загадочно добавила она, – могу только сказать, что я издалека.

Петр как-то странно посмотрел на нее, потом глянул в сторону ребят. Алексашка делал ему какие-то знаки. Петр оставил Янку и подошел к нему. Тот отвел его в сторону:

– Мин херц, – зашептал Алексашка, – не верю я сему мальчишке!

– И я в сумнении, – озабоченно сказал Петр, – странно как-то, появился невесть откуда, одет не по-нашему, да еще голову морочит, – он сдвинул брови.

– Вот и я тоже так думаю, мин херц, чует мое сердце, Сонькин сей мальчишка, она подослала!

Петр побледнел, резко дернул головой, посмотрел в сторону Янки. Она в окружении ребят, что-то им рассказывала. Алексашка продолжал:

– Видал, как меня к забору пришил? Теперь там научили! Он и тебя так...

– Молчи! – оборвал его Петр сквозь зубы, – Молчи! Что предлагаешь?

– А повесить его и все. Обыскать и повесить. Ей-ей, мин херц, бомба у него в торбе, либо кинжал.

– Повесить успеем, – глухо возразил Петр, – а мальчишка, похоже, толковый. Ежели не от Софьи, то он нам еще пригодится.

Он пошел к отряду. Алексашка хмуро последовал за ним.

– Так значит Янка ты меткий стрелок? – спросил Петр, подходя к Янке, и указал на значок у нее на штормовке. Янка с подозрением глянула на него:

– Ну. А что?

– А покажи свое искусство в стрельбе.

– Ты что, сомневаешься? – Янка метнула на него острый взгляд. Петр прищурился и протянул ей пистоль. Алексашка подался вперед:

– Мин херц!

Петр остановил его, подняв руку. Янка не без восхищения рассмотрела пистоль.

– Заряжен? – спросила она Петра.

– Заряжен, – немного побледнев, сказал он.

Янка оглянулась вокруг, во что бы стрельнуть.

– Якимка! – позвала она одного парнишку из отряда: она уже со всеми познакомилась. Яким Воронин подошел к ней. Янка оглядела его, потом оторвала от обшлага его кафтана большую пуговицу размером со сливу.

– На, и держи в вытянутой руке вот так, – она поставила его и показала, как держать пуговицу. Яким побледнел и стоял не шевелясь. Янка отсчитала от него тридцать шагов, потом подняла вверх пистоль, прищунив один глаз, встала боком к мишени и начала медленно опускать руку с пистолетом. Раздался выстрел. Когда дым рассеялся, все увидели Якима. Он стоял в той же позе, правда с закрытыми глазами и втянутой в плечи головой. Все подбежали к нему и удивленно закрутили головами: в пуговице, прямо в центре была аккуратная дырочка от пули. Янка подошла последней и, усмехнувшись, отдала Петру пистоль. Тот восхищенно расширив глаза, смотрел на Янку, и когда ребята затормозили ее, хваля и поздравляя, тихо сказал Алексашке:

– Нет, не от Соньки он. Кабы от нее был, он бы эту пулю в меня пустил. Свой он.

– Мин херц, еще бы проверить надо.

Петр задумался, поглядел на Янку. Она с ребятами, веселясь, пристраивала Якому дырявую пуговицу на прежнее место. Но эта веселость была лишь ширмой. Янка поняла, что Петр ее в чем-то подозревает, ишь шепчется с этим змеем, подумала она, возненавидев Алексашку люто. Следовательно, надо быть осторожней в поступках, любой промах будет расцениваться как провокация.

– Ладно, проверим. А как? – Петр поглядел на Меньшикова.

– Я так думаю, уж если он от Софьи, то он просто так не нападет, повод нужен, чтоб вроде как невзначай...

– Так что, повод дать? – Петр начал сердиться.

– Ничего не надо давать, – вкрадчиво сказал Алексашка, и вдруг предложил, – мин херц, а может его в приказ, а? Там все расскажет.

– Дурак, – Петр сердито глянул на него, – мальчишку в приказ! Да ты ему розгой пригрозил, он тебе все скажет! Но нельзя так, повод нужен.

– Что ж, подождем, – вздохнул Меньшиков.

Петр только посопел досадливо. Он не верил, что мальчик, который ему уже начинает нравиться, может оказаться врагом. Повод, однако, не заставил себя долго ждать.

* * *

После полудня Петр собрал в окопе совет-консилиум, чтобы разработать план нападения на какой-нибудь монастырь. Все спорили, кричали, смеялись. Больше всех горячился Петр. Казалось, про Янку забыли. Она сидела на бревне, рассеянно прислушиваясь к болтовне в окопе, и с волнением думала о ребятах. Они теперь ждут, а она вот где. И вообще неизвестно сможет ли когда-нибудь вернуться домой. В это время обсуждение в окопе завершилось. Петр приказал прикатить деревянную пушечку, притащили также репу и порох. Началась стрельба по воронам. Пушкарем был на-

значен Яким. Он старательно засыпал в пушку порох, зарядил ее репой и подал Петру фитиль. Но то ли он много пороху положил, то ли по какой другой причине... Петр приставил фитиль к запалу и вдруг раздался такой грохот, что стая ворон с истошным криком покинула пределы лужайки, а Янка свалилась с бревна в кусты. Остальных раскидало в разные стороны. Когда дым рассеялся, и все сползлись к месту происшествия, увидели: от пушки практически ничего не осталось, и везде были разбросаны куски репы. Все словно окаменели на мгновение. Потом Яким поднял испуганные глаза на Петра и упал на колени. Лицо Петра исказилось от ярости. Он зарычал и начал пинать Якима ногами да еще бить фитилем. А все стояли и смотрели. Янка, с трудом выбравшись из кустов, в которые ее бросила взрывная волна, сразу увидела этот беспредел. Она тут же забыла про осторожность и бросилась на помощь Якиму.

– Что ты делаешь?! Не смей! Прекрати сейчас же! – закричала она Петру и с разбега подпрыгнула и вцепилась в него сзади. Ухватила за шею и заколотила коленками ему по пояснице.

От неожиданности Петр взвыл, выронил фитиль и попытался сбросить с себя Янку. Но она висела словно клещ, и все его попытки не увенчались успехом. Царский отряд застыл в недоумении и растерянности.

– Уберите его! – наконец заорал взбешенный Петр. От грозного окрика первым опомнился Алексашка. Он подско-

чил к Петру и начал отдирать от него Янку. Потом опомнились остальные и бросились ему на помощь. Общими усилиями им удалось оторвать Янку от Петра. Ее крепко схватили за руки. Она все еще сопротивлялась.

Петр, тяжело дыша, повернулся, потирая покрасневшую шею. Янка, поняв, что сопротивление бесполезно, посмотрела на него. Он несколько мгновений бешено глядел на нее, размахнулся, но не ударил. Янка не сморгнула. Он сжал зубы, потом глухо, ни на кого не глядя, велел:

– В амбар! – круто повернулся и стремительно пошел во

дворец. За ним побежал Яким. Остальные поволокли Янку в амбар, находившийся неподалеку. Втолкнули, бросили туда же ее сумку и гитару, которая жалобно зазвенела, ударившись о доски. Захлопнули дверь. Янка бережно подняла гитару, подобрала сумку и огляделась. Амбар был большой, полутемный. В маленькое окошко, в которое едва можно было просунуть голову, пробивалось два солнечных лучика. В этом амбаре ничего не было кроме небольшой кучки соломы. Янка натаскала немного в угол, где находилось окошко, уселась и задумалась. Сомнений не было, ее заподозрили в покушении и арестовали. Янка все сидела, не шевелясь и глядя в одну точку. Теперь ей вряд ли что поможет. Если только поговорить по душам с Петром. Ну, у него и характер – динамит! Янка вспомнила инцидент с Якимом. Чего доброго и разбираться не захочет. У Янки от ужаса зашевелились волосы. Но попытаться поговорить просто необходимо, рассказать все начистоту. А вдруг не поверит? Ведь не поверила же Агафья Тихоновна. Где гарантия, что поверит царь, тем более еще мальчишка. Янке стало тоскливо. Надо же так вляпаться. Ну, ничего, подумала Янка, раз я еще жива, значит, надежда есть. Она вздохнула, немного успокаиваясь. А, успокоившись, захотела есть. Она усиленно глотала слюну, потом залезла в сумку. Там лежала уже зачерствевшая краюшка хлеба. Янка обрадовалась, она совсем про нее забыла. Это была та самая краюшка, которую ей дала Агафья Тихоновна. Жесткая краюшка быстро исчезла, но не утоли-

ла голод, наоборот, есть захотелось еще больше. Янка решила отвлечься от голодных мыслей и стала думать, как ей выбраться из XVII века. Наверное, надо отыскать тот подземный ход и по нему идти обратно. Если мне суждено выжить, подумала Янка, торопиться не следует, поживу здесь, а потом видно будет. Ведь если время запихнуло меня в такую даль, оно меня и вытащит. Янка вздохнула и с удовольствием вытянулась на соломе.

А во дворце...

* * *

Петр нервно прохаживался по своей комнате, Алексашка, улыбаясь, сидел у окна:

– Ну, что я говорил, мин херц? Каков пащенок? Едва не удавил тебя.

– Да, – Петр потер шею, – крепко вцепился. Возможно, ты и прав, – он уселся на лавку, немного успокоился:

– Пушай посидит покуда! Завтра сам допрошу его!

– А ежели не скажет, мин херц?

– Скажет, – зловеще сказал Петр. – А не скажет, кнута попробует! – он дернул головой, снова распаляясь. – Чертенок дерзкий!

– Да, дерзец, – согласился Алексашка. – Как с ровней с тобой разговаривал. Помнишь?

– Помню, – усмехнулся Петр, – Сие меня зело удивило,

но, ты знаешь, понравилось. Никто со мной еще так не говорил, смело, что ли. А клеща я ему завтра припомню, – снова гневно пообещал он.

– И все ж странно, – покачал головой Алексашка.

– Что странно? – не понял Петр.

– Странно, что напал он на тебя, когда народ рядом был.

Ведь обычно-то как.

– Н-да, – Петр дернул бровью. – Получается и нападение, а с другой стороны – не опытно как-то.

– Вот и дело-то, – вздохнул Меньшиков.

– А может, он просто за Якима вступился? – раздумчиво сказал Петр. – Вот чую, свой он!

– Ладно, мин херц, утро вечера удалее.

– Да и то, не рано, я чай, – согласился Петр. – Стели постель, что ли?

Вошел денщик, поклонился:

– Государь, царица-матушка к вечерне просят.

– Иду! – раздраженно буркнул Петр. Дернул головой и вышел из комнаты.

* * *

Сумерки спустились на землю. В амбаре у Янки тоже стало темно. Она сидела, тихонько наигрывая на гитаре. Плеер она не включала по таким соображениям: еще и в колдовстве обвинят, тогда точно не оправдаешься. Есть уже не хотелось,

но было скучно. Вдруг у окошка кто-то зашуршал. Янка прекратила играть и прислушалась.

– Янка, Янушек! – раздался за окошком осторожный шепот. Янка прильнула к окну.

– Якимка, ты? – тоже шепотом спросила она.

– Я, – Яким прильнул к окошку, в темноте блестели только глаза.

– Ну, сидишь? – спросил Яким.

– Сижу, – вздохнула Янка, – Я, кажется, здорово влип.

– Не бойсь, може обойдется, – подбодрил Яким.

– Стараюсь, – вздохнула Янка.

– Спасибо тебе, что вступился. После государь меня боле не тронул, – сказал Яким. – А ты вправду, что ль от Софьи?

– Так вот в чем дело, – Янка облегченно вздохнула, – Нет, Яким, я всего лишь не мог позволить, чтобы при мне унизили человеческое достоинство.

– Чего? – не понял Яким.

– Ну, царь тебя бил?

– Так то его воля. Я же виноват был.

– Ну вот, а мне воспитание не позволило на это спокойно смотреть.

– Худо тебе будет, ежели не оправдаешься, – озабоченно сказал Яким.

– Я постараюсь, – улыбнулась в темноте Янка.

– Да, чуть не забыл, – всполошился Яким, – я ж тебе поесть принес! Голодный, поди? На, вот, возьми, – он сунул в

окно кусок пирога.

– Спасибо! – благодарно шепнула Янка, хотела еще что-то добавить, но не успела.

– Якимка! – раздался в темноте Алексашкин голос. – Где ты, черт, ходишь?

– Я пошел, – прошептал Яким и скрылся в темноте. Янка прислушалась к его удаляющимся шагам. Донесся негромкий разговор.

– Где бродишь? – недовольно спросил Меньшиков.

– До ветру ходил, – отозвался Яким. Хлопнула дверь. Заскрипели ступеньки: кто-то спустился, пошел по траве. Она зашелестела. Подошел к амбару. Встал у окна. Янка замерла.

– Э, Янка! – это был Меньшиков. Янка молчала. В ней вскипала злость на Алексашку. Он прислушался.

– Молчишь? – он усмехнулся. – Молчишь, не знаешь, что сказать? Значит виноват.

– Интересно, и в чем же?! – ехидно спросила Янка, стараясь не злиться.

– Наглец! Ты на государя напал! Тебе этого мало?!

– Не твое дело! – огрызнулась Янка. – Запомни, кто при мне руки распускает, тот об этом потом долго помнит! Усек?!

– Ого! Да ты еще угрожаешь?! – удивился Алексашка.

– Я не угрожаю, а предупреждаю. Тебя это, кстати, тоже касается, – как можно примирительнее заговорила Янка, хотя злость еще не прошла.

– А знаешь ли ты, что тебе будет, если государь эти твои слова узнает? – усмешливо спросил Алексашка. Янка похолодела, но сказала как можно безразличнее:

– Мне это совершенно не интересно, беги, сообщи, а то еще забудешь!

– Это ты пока такой смелый! – с издевкой произнес он. – Погляжу на тебя завтра, когда государь с тебя шкуру спускать будет! За все получишь сполна! А я от себя еще добавлю, чтоб не позорил меня перед государем впредь!

– Ой, как страшно! Мальчик обиделся! Уже боюсь! – усмехнулась Янка.

– Посмейся, посмейся! Завтра плакать будешь, Сонькин прихвостень!

– Чего-о?! А ну повтори, как сказал! – снова взорвалась Янка.

– Ага! Задело! А то и сказал! Знаю, кто тебя прислал, и зачем тоже!

– Слушай внимательно, Шурик! Если ты еще раз меня так оскорбишь, я за себя не отвечаю! – медленно и глухо сквозь зубы процедила Янка. – И оправдываться перед тобой не собираюсь!

– Добро, щенок! Будет тебе завтра баня с перцем! – злобно пообещал Алексашка, – Все выложишь, как на исповеди!

– Но не тебе, не мечтай!

Где-то хлопнула ставня, и грозный голос Петра крикнул

в темноту:

– Алексашка! Опять балуешь с девками! А ну, живо спать!

– Ну, гляди, Янка! Попомни мои слова! – шепотом сказал Алексашка и скрылся в темноте. Зашелестела трава, скрипнули ступеньки, хлопнула дверь. Стало тихо-тихо. Только кузнечики сверчали в траве. Янка вытащила кусок пирога и запустила в него голодные зубы. Пирог оказался с мясом и был довольно вкусный. На этот раз Янка утолила голод и немного успокоилась. Спать не хотелось, и Янка взялась за гитару. Провела по струнам и тихо запела:

*Сижусь за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный в неволе орел молодой...*

Как ни тихо пела Янка, но в тишине песня долетела и до окон Петра. Он стоял у открытого окна, задумчиво глядя в темноту. Подошел Алексашка, прислушался:

– Ишь как жалобно выводит, а, мин херц.

– Хорошая песня, – задумчиво сказал Петр, и, повернувшись к Алексашке, – Разве плохой человек может так петь? – он дернул головой. – Нет, либер киндер, свой он. Свой, – повторил он еще более уверенно и вздохнул.

– Утро вечера удалее, – повторил Алексашка давешнюю фразу, – поглядим, мин херц.

О разговоре с Янкой он умолчал. Петр вздохнул, закрыл окно и задул свечу.

Янка, задумчиво наигрывая на гитаре, покосилась на свои часы. Было уже около полуночи. Надо спать, подумала она, неизвестно, какой день впереди. Подложив под голову сумку, она свернулась калачиком на соломе и закрыла глаза.

Наступило утро. Петр проснулся с первым лучом, только еще всходившего солнца, растолкал Алексашку. Когда тот, почесываясь, поднялся, велел:

– Поди, взбуди всех! Постройшь, доложишь! Ступай, живо!

– Мин херц, а как же...?

– Выполний, что велено! Разговорчив стал! – повысил голос Петр.

– Твоя воля, – пожал плечами Алексашка и пошел будить остальных. Петр оделся, крутнулся перед зеркалом, сдвинул брови, и, чуть ссутулившись, вышел из комнаты. Старушки-приживалки кинулись в разные стороны, когда он стремительно шел по коридору. Петр зашел к матери, справился о здоровье, категорически отказался от молитвы и завтрака и торопливо пошел во двор к отряду. Его гвардия уже в полном составе была выстроена. Алексашка открыл было рот, чтобы сдать рапорт, но Петр остановил его:

– Ныне пока воевать не будем. Надобно нам пленника допросить. Помните? – он усмехнулся. Оглядел строй. – А ну,

Яким, приведи его!

Яким побежал к амбару, отпер, осторожно приоткрыл дверь, заглянул. В углу на охапке соломы, обняв гитару, беспечно спала Янка. Яким тихо подошел, тронул ее за плечо:

– Янка, Янушек!

Янка сквозь сон дернула плечом, отмахнулась:

– Отвали, – бормотнула она, не просыпаясь. Яким потряс сильнее. Янка открыла глаза, недоуменно огляделась, потом, окончательно проснувшись, все вспомнила.

– А, это ты, Яким, – она зевнула, потянулась, протерла глаза и села. Потом глянула на часы и свиснула:

– Это, за каким полседьмого меня разбудил? – она недо-
вольно глянула на Якима.

– Государь приказал, – объяснил Яким. – Пойдем скорее, он не любит ждать.

– Подождет, не развалится, – хмыкнула Янка. – Иди, ска-
жи ему, если у него ко мне дело, пусть сам и придет.

– Да ты что, Янка? – Яким мгновенно побледнел. – Ты
что, смеешься?

– Ничуть, ему надо – пусть приходит, а я спать хочу! –
она снова зевнула и улеглась на солому. Яким топтался возле
нее, не зная, что делать. А Янка и ухом не вела, притвори-
лась, что спит. Яким оглянулся на дверь, там прислонившись
к косяку, стоял Меньшиков. Он слышал последнюю янкину
реплику и криво улыбался:

– Долго еще государю ждать, когда приведешь? – спросил
он у Якима.

– Я говорю... а он не хочет... вот, – совсем растерялся тот.

– Слыхал, слыхал, – все так же криво усмехаясь, Алексаш-
ка подошел, отодвинул Якима, и, схватив Янку за шиворот,
поставил на ноги.

– Отвали, придурок! – взвинтилась Янка, стараясь вы-
рваться. Но Алексашка крепко держал ее.

– Ах ты, щенок! Еще вякаешь! – он поволок ее к двери.

Янка, едва успев прихватить свои вещи, спотыкаясь, волокла за ним и упиралась. Яким семенил следом, вид у него был весьма дурацкий.

Меньшиков подвел Янку к Петру, который уже начал сердиться на столь долгое их отсутствие.

– Долго возишься! – недовольно бросил он вслед Якиму, торопливо вставшему на свое место. – Отпусти, – велел он Алексашке, все еще державшему Янку за шиворот. Тот отошел к строю, зло косясь на Янку. Петр заложил руки за спину, внимательно посмотрел на Янку. Она смело глядела на него.

– Ну, слушаю тебя, – произнес, наконец, Петр.

– Нет, это я тебя слушаю, – возразила Янка, – у тебя ко мне дело, ты и говори!

– Добро, – почти спокойно согласился Петр. – Что ж ответь мне на вопросы, только честно, и я забуду про вчерашнее. Согласен?

– Спрос не грех, – немного смутилась Янка, пожав плечами.

Петру принесли высокий барабан вместо стула. Он уселся на него, уперев одну руку в колено, другую в бок.

– Откуда ты? Где живешь? – начались вопросы.

– Живу я в Москве, только... так далеко, что дом мой невозможно найти.

– И все же? – Петр, заинтригованный таким ответом, сдвинул брови.

– Это правда, – вздохнула Янка и посмотрела на Петра. Он, усомнившись в ее словах, прищурился и несколько секунд испытывал Янку взглядом. Она выдержала это испытание, даже не покраснела.

– Добро, – сказал, наконец, Петр. – А здесь у тебя что? – он указал на сумку.

– Только личные вещи, ничего лишнего, – ответила Янка, немного напрягаясь.

– Покажи! – велел Петр.

– Не покажу! – вдруг отрезала Янка. Он покраснел.

– Ах, так! Обыскать его! – велел своим парням. Те двинулись к Янке. Она ловко отскочила в сторону и замахнулась гитарой.

– Подходи, кому жить надоело!

Они, видимо вспомнив ее поединок с Меньшиковым, остановились в нерешительности. Тогда Петр сам сорвался с места и быстро подошел к Янке почти вплотную. Пристально посмотрел:

– Ну, что же ты? Ударь!

Янка остро глянула на него, усмехнулась, опустила гитару.

– Нет, тебя не могу, – она вздохнула.

– Но ведь смог же вчера. – Петр дернул бровью.

– Вчера я заступился за Якима, вот и все, – она вдруг решительно посмотрела на него. – Нам с тобой надо поговорить.

– Говори.

– Не здесь. – Янка покосилась на его компанию. Петр снова дернул бровь, хлопнул ее по плечу:

– Ну, пошли.

Он взял Янку за плечо, и они пошли во дворец.

* * *

Петр привел ее в свою комнату, сел на лавку и велел:

– Сядь, – указал глазами рядом. Янка села.

– Слушаю тебя со вниманием.

– Я думаю, как бы тебе объяснить, чтобы ты понял, а главное, поверил мне, – медленно начала Янка, как бы подбирая нужные мысли. – Скажи честно, ведь ты мне не веришь?

– Не совсем верю, – признался Петр. – А теперь ты мне скажи честно, откуда ты взялся, и почему так одет?

– Хочешь, верь, хочешь не верь – это твое дело, – снова решительно начала Янка. – Хотя, если ты не поверишь – я пропал, – она заволновалась и осеклась.

– Говори, не бойся! – ободрил Петр уже по уши заинтересованный. Он даже забыл, что недавно гневался на Янку.

– Это звучит как безумие, но это правда, – снова собираясь с мыслями, сказала Янка, – ты можешь считать меня ненормальным, только поверь. Хорошо?

– Да говори уже, не тяни! – Петр засопел от любопытства и прямо впился глазами в Янку.

– Ну в общем, я... я из будущего. – решительно выдохнула

она. Петр вскинул брови выше некуда и кругло уставился на нее. На несколько секунд повисла пауза.

– Так, – наконец вымолвил Петр. – Н-да, черт, в голове не укладывается. Как это? Разве такое возможно? – он удивленно-вопросительно посмотрел на Янку. – погоди, не отвечай! Дай сообразить!

Янка, молча с напряжением, смотрела на него, а сердце стучало как молоток. Только бы поверил, только бы поверил, как бегущая строка неслись мысли.

– Да, – наконец сказал Петр и потер лоб. – Ну и дела! Как же могло такое случиться? – посмотрел на Янку.

– Я без понятия, честно. Мне сперва показалось, что я в психушку попал. До сих пор кажется, что это сон. А ты мне поверил?

– Поверил ли?! – воскликнул Петр в восторге, – Да ты просто клад для меня! Шутка ли – гость из будущего! – он коротко засмеялся, хлопая Янку по плечу.

– А из какого времени? – спросил он так, будто спрашивал ее домашний адрес.

– Из начала двадцать первого века, – ответила Янка, немного успокаиваясь. – Я живу, вернее, буду жить в Москве через триста с небольшим лет. Отсюда мой внешний вид и все прибабасы, – она показала ему на сумку и гитару. – Ну вот, теперь ты все знаешь, – она вздохнула, немного погрузнев.

– А обратно как же? – спросил Петр, заметив эту переме-

ну в настроении. – Неужто тут навсегда останешься? – он внимательно блеснул глазами.

– Я не уверен, но если время меня засунуло такую даль, оно меня и вытащит. А вот когда – трудно сказать, – она посмотрела на него. – Теперь ты все знаешь. Я в твоей власти, делай что хочешь, но только знай, что твои права на меня ограничены.

– Как это? – озадачился Петр.

– Ты не имеешь права на мою жизнь.

– Почему? – испытующе спросил Петр.

– Потому что я из другого времени, можно сказать, еще не родился, и лиши ты меня жизни, поломаешь ход истории и можешь погибнуть сам.

– Как погибнуть? – Петр, похоже, испугался.

– Ну, уж не знаю, сгинешь просто, исчезнешь и все.

– Значит, если я не имею права лишать тебя жизни, ты его тоже не имеешь? Так?

– Соображаешь! – похвалила его Янка. – Ну, теперь тебе все ясно, надеюсь?

– Еще бы! – Петр восторженно хлопнул ее по плечу. – Спасибо за объяснение и прости меня, – он вдруг покраснел и отвел глаза.

– За что? – не поняла Янка.

– Ты же обо мне все знаешь, сам говорил, – неловко начал Петр. – Время, сам понимаешь какое, ну, заподозрил я тебя...

– А ты ли один заподозрил? – прищурилась Янка.

– Догадлив, – усмехнулся Петр. – Не я один, Алексашка тоже. Он мне и посоветовал тебя проверить.

– Понимаю. – Янка положила руку ему на плечо. – Я не сержусь, Пит, и хотел бы стать тебе другом, если ты не против, конечно.

– Напротив, я буду рад! – с жаром сказал Петр и протянул руку. – По рукам?

– Замётано! – Янка пожала ему руку. – Исторический момент! – прокомментировала она, – Ну, не выгонишь меня теперь?

– Удумал чего! Теперь ни за что не отпущу! Эдакая удача! Юнгой будешь и везде будешь со мной. Но, – он вдруг посерьезнел, – коли провинишься, али поперек пойдешь, выпорю! Понял ли?

– Круто, – усмехнулась Янка, чуть похолодев. – Что-то мне вдруг домой захотелось от страха, – она подмигнула Петру, и, видя его недоумение, добавила, – Все понял, хотя ничего гарантировать не могу.

– Ишь ты! – Петр дернул головой, – А ты смелый! Только я тебя не пугаю, а упреждаю, – он усмехнулся, – Смелый, а смелых я люблю! – он хлопнул ее по плечу и коротко засмеялся.

Тут послышался топот за дверью, затем суматошный стук в нее. Петр открыл. Вбежал денщик.

– Петр Алексеич! Матушка, Наталья Кирилловна!.. – и замолк, испуганно открывая рот, как рыба вынутая из воды.

Петр бешено чертыхнулся и выбежал из комнаты. Янка последовала за ним.

* * *

Петр, перепрыгивая через три ступеньки, неся по коридорам, за ним, ни на шаг не отставая, летела Янка. Петр ворвался в комнату матери, ее ближние боярыни кинулись врассыпную. Наталья Кирилловна лежала на кровати, тяжело дыша. Увидев сына, она попыталась подняться, но не смогла.

– Петруша! – слабо и хрипло сказала она. Он подбежал к

ней, схватил за руку.

– Маменька, что с вами?! – потом резко обернулся к бо-
ярням и гневно крикнул – Лекаря! Живо!

Те бросились к двери.

– Спокойно! – Янка внезапно появилась в дверях, на ходу
вынимая из сумки аптечку. Быстро подошла к кровати.

– Уйди отсюда! – велела она Петру. Он растерянно взгля-
нул на нее, поднялся и отошел. Янка взяла царицу за за-
пястье: пульс едва прослушивался. Янка нахмурилась, до-
стала аптечку, вынула из нее пульс-тонометр. За десять се-
кунд измерила давление. Высоковато для такого возраста,
подумала Янка. Наталья Кирилловна вряд ли старше моих
предков. Янка снова залезла в аптечку и достала одноразо-
вый шприц и ампулу с дибазолом. Может я сейчас вмешива-
юсь в ход истории, думала она, набирая лекарство в шприц,
но я не могу позволить, чтобы на моих глазах мучился и не
кто-нибудь, а сама царица. Янка ловко и быстро сделала укол
в руку. И все это происходило в гробовой тишине. Петр сто-
ял у кровати и, раздувая ноздри, следил за Янкой.

Она убрала аптечку в сумку, села рядом с царицей и снова
взялась за пульс. Через пару минут обернулась к Петру.

– Порядок!

Наталья Кирилловна открыла глаза и посмотрела на Янку.
Петр подошел, царица улыбнулась ему.

– А я уж думала, смерть пришла, – слабо сказала Наталья
Кирилловна.

– Как вы, маменька? – осторожно спросил Петр.

– Словно народилась заново, – сказала царица.

– Вам, правда, легче? – вмешалась Янка.

– Как будто полегче, – сказала царица и посмотрела на Янку. – А кто сей отрок, Петруша?

– Он спас вам жизнь, – волнуясь, ответил Петр.

– Ну вот, кризис миновал. – Янка поднялась. – Через полчаса можете вставать. И, пожалуйста, никаких резких движений, плохих мыслей и волнений. Вам это сейчас вредно. А если сердечко прихватит, вот, – Янка достала валидол в пузырьке, – таблетку под язык, и все как рукой снимет.

Она поставила пузырек на столик возле кровати. Через несколько секунд в комнату ввалился было поп с певчими, но Янка недовольно обернулась:

– Это что за делегация! Никаких посетителей!

Поп недоуменно застрял в дверях, но Петр на них так цыкнул, что они исчезли так же быстро, как и появились. Петр усмехнулся:

– Причащать пришли.

– У них работа такая, – сказала Янка, снова берясь за пульс царицы. – Ну, Наталья Кирилловна, как ваше самочувствие теперь?

– Да, полегчало, – как бы прислушиваясь к себе, удивленно сказала царица, приподнимаясь. – Петруша, а ведь он совсем отрок, твой лекарь. Откуда ж ты такой?

– Из прекрасного далека, – улыбнулась Янка, – я рад, что

ПОМОГ ВАМ.

– Чем же наградить тебя?

– Сударыня, я выполнял свой долг! – с достоинством сказала Янка. – Честь имею кланяться! – и, поклонившись, она вышла из комнаты царицы. Петр поцеловал мать, велел открыть окно и вышел следом.

* * *

Стремительно выйдя от царицы, Янка в полутемном коридоре столкнулась с какой-то девушкой. Та ахнула от неожиданности:

– Ой, господи! Напугал-то как!

– О, пардон! – извинилась Янка, разглядев, наконец, девушку. Она была высока, стройна, золотистая коса небрежно спадала на плечо. Судя по одежде, она была не из простых. Шитый жемчугом и отороченный соболями серебристого цвета летник был застегнут лишь на одну пуговицу. Из-под него виднелось платье синего атласа шитое золотыми цветами. Янка успела рассмотреть и лицо девушки. Первое, что бросилось в глаза, это смешливая ямочка на подбородке, точь-в-точь такая же, как у Петра. Круглое лицо, большие глаза, короткий нос, серьезный взгляд. Янка довольно бесцеремонно рассматривала ее какое-то мгновение.

– Ты кто? – спросила девушка властно. И тут из-за двери появился Петр.

– Наташенька! – он подошел к девушке, обнял.

– Петенька, что с матушкой? – забыв о Янке, взволнованно спросила Наталья. – Мне только что сказали, – она посмотрела на него.

– Все ладно уже, – успокоил Петр. – А вот и матушкин лекарь! – он взял за плечо Янку. Наталья с интересом и лаской взглянула на нее.

– Вот как? – удивленно сказала Наталья.

– Я не врач, то есть, я не лекарь, я просто из...издалека, – смущенно пожала плечами Янка.

– Откуда ж тебе известно искусство сие? – изумленно спросил Петр.

– У меня отец врач вот и все, – Янка улыбнулась Наталье.

– Чем же наградить тебя? – спросила Наталья, недоуменно переглянувшись с Петром. Конечно, они мало что поняли.

– Можно орденом, а можно обычным обедом, – просто сказала Янка. Петр и Наталья одновременно рассмеялись.

– Ну, пойдем! – смеясь, сказала Наталья. – И ты, братец, пошли тоже обедать.

– Ин ладно, – согласился Петр, и они втроем пошли в столовую палату. Там уже торчала вся братва во главе с Меньшиковым. Когда, чуть пригнувшись, вошел Петр, Меньшиков испуганно побледнел.

– Ага, опять вперед царя! – ворчливо усмехнулся Петр. – Ну, и кто зачинщик сей дерзости?

– Мин херц! – растерялся Алексашка.

– Ладно, милую, – перебил Петр. – Вот, господин поручик, принимай пополнение, нового юнгу.

Он выставил вперед Янку. Она победоносно посмотрела на Меньшикова. Тот растерянно смотрел то на царя, то на Янку.

– Мин херц, значит...

– Да! – кивнул Петр. – Свой Янка, еще какой свой! – он потрепал Янку по плечу. – А теперь обедать давайте.

– Ну, кто оказался прав? – спросила Янка вполголоса

Алексашку, усаживаясь за стол.

– Что ж, твоя взяла! – с сожалением в голосе сказал тот.

– Вы что, спорили? – вмешался Петр.

– Да нет, – мотнула головой Янка. – Хотя, конечно, жаль! – она задорно подмигнула Алексашке.

– Чего? – нахмурился тот, но Петр снова вмешался:

– Будя воевать, ешьте лучше!

Наталья, распорядившись у стола, когда накрыли, собралась уйти к себе (по обычаю), но Янка остановила ее:

– Наташа! А ты чего же не садишься?

Наталья смутилась, все смолкли, а Петр сказал:

– Не положено ей.

– Кем это не положено? – не поняла Янка. – Она что, не хозяйка здесь, что ли? Садись, Наташа! – она подвинулась на лавке.

– Да будет так! – согласился Петр, улыбнувшись сестре, и когда она села, продолжил – В Европе сие давно заведено и не считается зазорным. Так и у нас будет со временем. Верно, Янка?

– Верно, Пит! О'кей, теперь и поесть можно!

Все засмеялись и принялись за еду.

* * *

После обеда Петр вместе с Натальей еще раз навестил мать, а остальным велел ждать на лужайке. Пока он отсут-

ствовал, Янка окончательно сдружилась с его ребятами. Там были и серьезный Иевлев, и деловитый Апраксин и, разумеется, озорник Воронин, и еще человек пятнадцать полужнакомых Янке по книгам князей и не князей. Почти все они были ровесниками, только Апраксину было немного за двадцать.

Янка покорила всех виртуозной игрой на гитаре. Она играла им и испанскую музыку и блатняк. Они смеялись, хлопали, просили еще. Один Алексашка смотрел с каким-то презрением, потом сказал:

– Шут ты, Янка, а не юнга!

Все недоуменно посмотрели на него, а Янка провела по струнам и запела:

*Да я шут, я циркач, так что же!
Пусть меня так зовут вельможи!
Как они от меня далеки, далеки,
Никогда не дадут руки!*

Все ребята снова засмеялись, захлопали, а Иевлев подошел к Меньшикову:

– Зря, господин поручик, стараешься. Он малец, а за словом в карман не полезет! Так-то! – он усмехнулся и отошел к остальным. Меньшиков и без того был зол на Янку. Он ревновал ее к Петру и хотел наделать какой-нибудь гадости, чтоб Петр отвернулся от Янки. А теперь, когда с ней сдружился весь отряд, Алексашка решил мстить. Янка чувство-

вала его ненависть к себе и специально злила его, хотя знала, что рискует. Так или иначе, Янка решила играть свою роль до конца.

В это время подошел Петр.

– А что, братие, – сказал он бодро, – потрясем монасей черноризных?

Он оглядел ребят: все были согласны. Еще бы, подумала Янка, попробуй не согласишься. Петр поглядел в ее сторону. Она смотрела на него серьезно. Он удивленно дернул головой:

– А ты что скажешь, Янка?

– Глупо! – Янка презрительно сплюнула в сторону и отошла. Петр резко развернул ее к себе, гневно заблестели глаза:

– Изволь объясниться! – едва сдерживаясь, сказал он. – Ты мне перечишь?!

– Ты спросил мое мнение, я его высказал, а если оно тебе не нравится, делай, как хочешь, ведь ты к этому привык. – она укоризненно усмехнулась. Петр посопел, снова дернул головой, оглядел притихший отряд. Потом снова обратился к Янке, стараясь подавить бешенство:

– Значит, ты не хочешь играть?

– Я не играю в глупые, никому не нужные игры. – Янка смело смотрела на него, хотя по спине пробежал неприятный холодок.

– Ну, предложи что-нибудь интересное.

– Протри глаза, Пит, тебя ждут великие дела, а ты – иг-

рать! – Янка насмешливо прищурилась. – In for a penny! – сказала она по-английски. – Великое начинается с малого! – она многозначительно подняла палец. – У меня есть кое-что поинтересней твоих игр.

– Вот как? – заинтересованно дернул бровью обалдевший от ее речи Петр.

– Я думаю, моя идея тебя устроит. – Янка порылась в сумке и вытащила листок бумаги и карандаш. – Будем играть в изобретателей! – она уселась на траву, разложив листок на колене. Петр уселся рядом.

– Итак, сегодня мы с вами, господа, будем изобретать безлошадную карету! – торжественно сказала Янка, будто выступала на симпозиуме. – Возражений нет? – она обвела взглядом всех присутствующих. Петр отрицательно мотнул головой и впился в Янку взглядом, полным уважения. Остальные сосредоточенно сопели. Янка начала от руки рисовать на бумаге чертеж, иногда хмурясь и что-то вспоминая.

– Попрошу внимания! – наконец сказала она. – Гляди! – толкнула Петра. – Это чертеж автомобильного мотора. Работает он на солярке или бензине. Но у тебя ни того, ни другого нет, – начала она рассуждать, подрисовывая и подписывая что-то на чертеже. – Тогда попробуем еще и динамо-машину. – Янка напрягла память и нарисовала схему генератора переменного тока. Петр удивленно слушал и ничего не понимал. Янка это заметила:

– Это все, что нужно для нашего изобретения, – объяснила она. – Безлошадная карета с мотором и динамой, – указала она на чертеж, – будет ездить со скоростью до сорока миль в час. Это зависит от мощности двигателя. Понял?

– У, у, – Петр отрицательно помотал головой.

– Ну и не важно, – утешающе сказала Янка. – От тебя в этом деле потребуется выковать те детали, которые я нарисую. Размеры дам в дюймах.

– А много сих деталей? – спросил, наконец, Петр. Его ва-тага молча окружила их плотным кольцом.

– Сейчас нарисую, только бумаги больше нет, – сказала Янка. Петр приказал принести еще бумаги. Янка принялась

аккуратно вырисовывать детали, объясняя назначение каждой. Петр напряженно следил за ней, кивал, слушая разъяснения. Кое-где спрашивал подробности. Янка терпеливо объясняла. Потом на другом листке она начала рисовать детали динамо-машины, объясняя действие генератора переменного тока. Петр с вниманием следил за каждым словом, иногда кидая на Янку восхищенный взгляд. Все ребята удивленно молчали. Меньшиков кусал от досады губы и бросал недобрые взгляды на Янку. Ох, как кипела ревность в его душе! Как ему хотелось сказать что-нибудь дельное, чтобы Петр обратил на него внимание. Но в голову ничего не приходило, и он с досадой сознавал свое бессилие.

Петр в это время сосредоточенно глядел на чертеж и начинал кое-что понимать. Идея Янки ему понравилась. Дело было заманчивым, и он решил приступить к нему немедленно: такой уж у него был характер.

– Ну вот. – Янка провела последнюю линию и написала последнюю цифру. – Размеры я дал в дюймах, теперь дело за железом, – она вопросительно посмотрела на Петра. Он задумался.

– Чем писать, – в полголоса велел Петр через некоторое время. Ему принесли перо и бумагу. Он быстро написал по-немецки несколько строк, велел запечатать и послал нарочным Воронина на Кукуй. Яким лихо вскочил на коня и скрылся за легким облачком пыли из-под копыт скакуна. Петр, улыбаясь, поглядел ему вслед.

– Лихо? А, Янка?

– Красиво, – сдержанно согласилась она. Меньшиков, вскипая как чайник, подойдя сзади к Янке, больно задел ее. Янка, молча, стиснув зубы, не глядя, четко и молниеносно саданула его локтем под дых. От внезапного удара Алексашка ухнул и согнулся. Янка шибанула каратистским приемом ему по загривку. Тот как куль, молча скорчившись, упал. Петр недоуменно смотрел на этот немой бой. А Янка спокойно перешагнула через Меньшикова. Тот все еще лежал. Петр присел на корточки возле него, потом поднял гневные глаза на Янку:

– Что сие значит?

– Он мне на ногу наступил, – немного развязно ответила Янка. – Да ты не бойсь, я его слегка, чтоб не зарывался, встанет.

Алексашка тем временем разогнулся, с болезненной гримасой отошел к ватаге.

– Щенок! Сарынь! – сдавленно произнес он, и, прихрамывая, побрел ко дворцу. Петр, задетый за живое (еще бы, осмелились тронуть его любимца!), раздувая ноздри, бешено глядел на Янку. Она тут же пожалела, что связалась с Алексашкой, и ей стало не по себе. Она беспомощно оглянулась на ребят. Иевлев одними губами подсказывал:

– Покайся, милости проси! На колени!

От этих последних беззвучных слов у Янки гневно вспыхнули щеки. Но она сдержалась и подошла к Петру. Тот ждал,

что она скажет, хотя, ему хотелось надавать Янке.

– Извини, – спокойно глядя ему в глаза, сказала она. – Я немного не рассчитал, но он, правда, первый начал.

Петр был немного ошарашен таким ответом: он ожидал другого, поэтому немного растерялся.

Бешенство прошло, гнев затихал.

– Добро, Янка, – глуховато произнес он. – Я прощаю тебе сей поступок и с Алексашкой потолкую, однако, чтоб более этого не повторялось. Понял ли?

Янка серьезно кивнула: мир был восстановлен.

Вечером Янка собралась с духом и извинилась перед Меньшиковым. Тот тоже немного притихший после разговора с Петром попросил прощения. Петр втолковал ему, наконец, что Янка – просто гость, а он, Алексашка, незаменимый друг, и что Петр уважает и ценит его как прежде. Настроение у Алексашки поднялось, и он тоже решил помириться с Янкой, хотя этот мир носил натянутый характер. На этот раз Янке было отведено место на лавке в комнате Петра, где она и заснула.

* * *

На другой день Петр растолкал Янку в пять утра. Янка от природы любила поспать, и поэтому после первой попытки Петра разбудить ее, она сквозь сон послала его подальше. Рассерженный Петр легко поднял ее за шиворот и еще сон-

ную встряхнул и поставил на ноги. Янка после такой встряски еще плохо соображала, но когда Петр подтащил ее к тазу для умывания и плеснул в лицо ледяной водой, Янка взвыла и окончательно проснулась. Петр, смеясь, натянул рубаху и надел кафтан. Потом вместе с Янкой, утиравшейся бейсболкой, спустились во двор. Там быстро закусили вчерашним пирогом и отправились в кузнецу.

Часа через два Яким привез какого-то немецкого кузнеца Иоганна Фокса. После длинных объяснений Янки, тот восторженно одобрил проект. Дело пошло. Мотор делали три дня. Все это время Петр работал больше всех. Мокрый как мышь стоял у горна, чумазый, вытирая черной рукой пот со лба во время краткого отдыха. Янка тоже почти не отдыхала, ей приходилось сверять с чертежом все размеры деталей, перемерять, переделывать кое-что, постоянно разговаривая с Фоксом. А так как по-русски он не говорил, приходилось все время отвлекать Петра, чтобы переводил. Но, несмотря на смертельную усталость, от которой все уже валялись с ног, Петр по-прежнему вставал рано и ложился за полночь. «Неугомонный царь-путешественник» вспомнились Янке эти слова, где-то слышанные, а может вычитанные.

Наконец все детали готовы. Янка быстро свинтила их в один корпус. Потом смонтировала динамо-машину. Пока делали детали, Петр еще сконструировал под янкиным руководством руль, тормоза и еще кое-какие автомобильные при-

надлежности. Алексашка тоже не отставал, ему Янка поручила переделку кареты под автомобиль. Он старался изо всех сил, и вскоре усилиями Меньшикова и помогавших ему всех царских стольников получился вполне сносный кабриолет середины XIX века.

* * *

Янка лежала под новоиспеченной машиной и с деловым видом подводила к заднему мосту тормоза. Петр, приделав руль, теперь крутил его и смотрел, как двигается передний мост. Янка высунулась из-под кареты и свистнула Петру. Он оглянулся.

– Тормозни, я посмотрю! – попросила его Янка. Петр кивнул и залез в кабину.

– Отлично! – крикнула Янка и вылезла из-под кареты. Подошла к Петру, он еще копался в кабине. Янка проверила мотор и захлопнула капот, который был сделан из большой железяки похожей на щит. Ее Алексашка приволок из подвала дворца.

– Ну, рискнем, испытаем? – Янка взглянула на Петра.

– Погоди, – Петр махнул Меньшикову, – Поди, маменьку позови да Наташу. Пушай посмотрят!

Алексашка поклонился и быстро ушел. Через пятнадцать минут на крыльцо вышли Наталья Кирилловна и Наташа с ближними боярынями и служанками.

– Теперь можно! – Петр кивнул Янке. Иевлев вставил ручку в передок машины и закрутил. Петр уступил место Янке. Она взялась за баранку. Иевлев выдернул ручку и отошел. Янка повернула ключ электропривода и услышала, как заработал трансформатор, а затем как трактор заработал мотор. Янка нажала на педаль, карету дернуло, и она поехала по двору. Все отпрянули и испуганно ахнули, но потом заорали «ура», столыники с разбегу повскакали на машину. Она ездил кругами. Дворовые смеялись, некоторые крестились. Из всех окон смотрели челядь, приближенные. Петр хохотал и кричал «ура» громче всех. Наконец Янка выключила мотор и машина остановилась. Петр быстро подошел к матери, сидевшей в кресле на крыльце.

– Как вам, маменька?

– Странно и страшно, Петруша, – смущенно сказала Наталья Кирилловна. – Кто же придумал сию забаву?

– Янка! – Петр указал на Янку, которая вылезла из машины. – А как тебе, Наташа? – обратился он к сестре.

– Изрядно! – с восторгом сказала та. – А твой новый дружок не промах! Держись его! – улыбнулась Наталья. Петр с благодарностью и восторгом посмотрел в сторону Янки. Она с озабоченным лицом подошла к Петру.

– Что-нибудь случилось? – спросил Петр.

– Глушак делать надо, – сказала Янка.

– Чего? – не поняла Петр.

– Глушитель, вот чего. Слышал, как гудит?

– А-а! – понял Петр, хлопнул ее по плечу и они пошли к машине. – Сделаем, Янка! – он повернул ее к себе и взял за плечи. – А за твою выдумку награжу тебя! Проси, чего хочешь! – он весело оскалился и внимательно посмотрел на нее.

– Прежде всего, – деловито и серьезно начала Янка, – обещай, что ни один чертеж ты не покажешь иностранцам.

Петр кивнул.

– И еще, – продолжала Янка, – ты уничтожишь все бумаги, связанные с машиной.

– Но как же так, – растерялся Петр, – мы же вместе трудились, и вдруг все в огонь!

– Это историческая необходимость, – пояснила Янка и виновато улыбнулась. – Я и так нарушил закон истории, соорудив с твоей помощью этот агрегат, – она кивнула в сторону кабриолета. Петр расстроился, это Янка поняла по выражению лица.

– Не грусти, – подбодрила она его. – В случае чего, чертежи у меня! – она подмигнула Петру.

– Где же? – удивился он.

– Вот тут. – Янка постучала себя по макушке и засмеялась.

Петр тоже рассмеялся.

– Да будет так! – торжественно сказал он. – И все же ты не спрашиваешь о награде! – он снова внимательно взглянул на Янку.

– Я не знаю, что мне нужно, – пожалала плечами Янка.

– Тогда первую твою волю я исполню как свою собственную! – громко сказал Петр, наклонился и поцеловал Янку в губы. Она покраснела, все рассмеялись. Алексашка озорно подмигнул Янке:

– Ты что рдеешь словно девка, а Янка?

Все снова засмеялись, а Янка усмешливо посмотрела на Меньшикова, мотая на ус его слова.

– Ну, что прокатимся?! – задорно крикнула она и залезла в кабину машины.

– Айда! – свистнул Петр и уселся рядом с ней. Алексашка, Сильвестр, Апраксин и Воронин залезли в отсек напоминающий салон автобуса. Машина задрынчала, загудела и дернулась с места.

– Поехали! – крикнула Янка, и они со свистом и гиканьем выехали за ворота. «Кабриолет» ехал со скоростью примерно двадцать километров в час. Прилично для XVII века, подумала Янка. Она колдобинах трясет, оё-ёй. Да шины еще не

скоро изобретут. Даже язык во рту дрыгается и в животе ноет. Как там пассажиры, не укачались? – Янка посмотрела на Петра. Он, восторженно блестя глазами, глядел вперед. Этот в порядке, отметила про себя Янка. А остальные как там? – она обернулась в салон, немного сбавив скорость. Иевлев и Воронин еще держались, а вот у Меньшикова с Апраксиным, похоже, начиналась морская болезнь. Это Янка поняла по их позеленевшим лицам. Она усмехнулась и толкнула локтем Петра. Он посмотрел на нее.

– Взгляни в салон, Пит! – сказала Янка.

Петр посмотрел, потом фыркнул как кот:

– Чего-то там не важно, а, Янка?

– Я тоже так думаю, придется остановиться. – Янка сбавила скорость и выключила двигатель. Из машины сперва вытек Меньшиков, а за ним Апраксин. Потом вылезли остальные. Вылез и Петр, разминая ноги.

– Чего такое? Укачало? – спросила Янка у Меньшикова, который медленно приходил в себя.

– Ох, смертушка моя! – стонал Апраксин, присев возле заднего колеса.

Петр разглядывал их какое-то время, наконец, не выдержал, рассмеялся:

– Эка как вас! А ведь мы корабли задумали строить! На море всякое бывает!

– Дышите глубже, – посоветовала Янка. – Вдох через рот, выдох через нос и ни о чем не думайте.

Ребята старательно начали дышать, и вскоре краска вернулась на их побледневшие лица.

– Айда назад! – скомандовала Янка. – Поехали!

Все снова забрались в машину и направились ко дворцу. Испытание для машины прошло успешно. По приезду машину завезли в каменный сарай.

* * *

Поздно вечером, когда все утомонились, Янка еще долго лежала с открытыми глазами и, глядя в темноту, думала: «Как странно и неожиданно сложились обстоятельства. Прошлой, молодой царь. Фантастика. Сегодня меня впервые поцеловал парень. – Янка улыбнулась. – Надо же не в классе ни на вечеринке, а в прошлом. Обалдеть можно! И не просто какой-то парнишка, а сам царь! Приколльно». Она вспомнила поцелуй, покраснела. Аж дух захватило. Приятное это занятие, целоваться, подумала она. Знала бы раньше, не гоняла бы от себя пацанов. Она вдруг поймала себя на мысли, что хочет повторения и опять с ним, с Петром. Нет, нельзя, разоблачат на счет раз. Янка вздохнула. Мысли потекли дальше. Алексашка тоже ничего на фейс, а вот заподлянщик еще тот. Иевлев – мальчик-зайчик, скромный такой. Воронин еще сопляк, ему и шестнадцати нет. Янка теперь уже с закрытыми глазами перебирала и анализировала всех стольников из отряда. А Пит все же...но не надо об этом. Я здесь

по делу, а не для развлечения. Нельзя себя выдавать. Янка еще раз вздохнула и заснула.

* * *

Наступило утро – суббота. Янка проснулась на этот раз сама, протерла глаза, посмотрела в окно, потом на кровать Петра. Спит как праведник. А время, посмотрела на часы, уже семь тридцать. В выходной да не поспать. Янка тихо слезла с лавки, достала из сумки плеер, нашла трек «Атас» группы «Любэ». Потом с хитрой улыбкой подкралась к кровати Петра, поднесла плеер прямо к его уху и нажала «play».

Атас!

А веселей рабочий класс!

Неожиданно громко началась запись. Петра подбросило от неожиданности, а Янку отнесло к лавке. Она тихо выключила плеер и быстренько заняла исходное положение. Когда Петр ошалело закрутил головой и глянул на лавку, Янка притворилась, что спит, хотя сама давилась от смеха. Петр, уже окончательно проснувшись, сел на кровати и еще раз недоуменно оглянулся. Потом прищурился и впился сверлящим взглядом в Янку, он уже догадался, кто его разбудил. Янка чувствовала его пристальный взгляд, но не оглянулась, а замерла и даже затаила дыхание.

Но чутким ухом уловила шорох шагов. Петр подошел к ней, посмотрел, усмехнулся.

Вдруг Янка почувствовала, как его пальцы крепко сжали ей ухо и резко потянули вверх. Янка взвыла и поспешно вскочила за рукой, так как сопротивление грозило бы потерей уха.

– Ах ты, сукин сын! – с расстановкой, но без гнева сквозь зубы заговорил Петр, продолжая выкручивать ей ухо. – Ты по что же посмел разбудить меня?

Янка, все это время мычавшая от боли и стараясь попасть в такт движения руки, весело сказала:

– Взаимно! – потом вцепилась обеими руками ему в запястье и повисла так, чтобы уменьшить боль. Петр наконец отпустил ее. Янка зажала ладонью горящее ухо и обиженно сказала:

– Ты, значит, можешь меня будить, а я, значит, не смей! Нет уж, я с тобой на равных! Понял?

– Вот как? – Петр весело-удивленно взглянул на нее. – Ишь ты, поди ж ты, каков! – усмехнулся. – И все же, чем ты меня разбудил?

– Вот чем. – Янка показала ему плеер. – Цифровым музыкальным ящиком.

– А что за диковинка? – Петр с любопытством повертел плеер в руках, приложил к уху и тряхнул.

– Но, но! – Янка отобрала у него плеер. – Ты мне аппаратуру не тряси, а то микрушки полетят и привет! С ним надо

бережно. Понял? Вот смотри! – и она нажала кнопку. Тут же продолжилась песня. Петр восхищенно вытаращил глаза и смотрел на плеер как на Бога. Янка нажала на кнопку и песня оборвалась. Петр какое-то мгновение внимательно смотрел на него.

– Хочу посмотреть, как он устроен, – вдруг сказал он. Янка отпрянула и, прикрыв плеер рукой, нахмурилась:

– Ты что, окосел?

– Я не сломаю, – попросил Петр, удивляясь и краснея от смущения.

– Нечего тебе в него соваться! – отрезала Янка. – Не дам!

Петр подавил досаду и усмехнулся:

– Ладно тебе, не серчай! – подошел к зеркалу. – Однако суббота. – будто ничего не произошло мигнул Янке. – На Кукуй вечером поедем, а, Янка?

– На вечеринку?! – оживилась Янка.

– Чего? – не поняла Петр.

– Ну, на бал, или как это называется...

– Ассамблей у Монса. – он хотел еще что-то добавить, но покраснел и с остервенением принялся расчесывать свои темные кудри. В дверь просунулся Алексашка:

– Гут морген, мин херц!

– А, либер киндер! – протянул Петр, продолжая причесываться. – Поди скажи господам стольникам, что опускаю их на два дня. Пушай погуляют! А мы с тобой сегодня к Францу покатым, – он положил гребень и, надев рубашку и штаны, крутнулся перед зеркалом. Меньшиков кивнул и скрылся за дверью.

– А я? – вдруг спросила Янка. – Разве меня ты не возьмешь с собой?

– С чего ты взял? Возьму, конечно! – уверил ее Петр.

– А чего же Саньку сказал «мы с тобой», я уже не в счет, да? – она обиженно отвернулась.

– Да я ему по привычке так сказал, – начал растерянно оправдываться Петр. – Да ей-ей...

– Ню, ню, – подозрительно посмотрела она на него, просто упиваясь своим издевательством, потом как ни в чем не бывало, вытащила гитару и начала ее настраивать. Петр с интересом подсел рядом.

– А как называется сей инструмент? – спросил он.

– Это гитара, – ответила Янка. – Ее родина Испания.

– А что ты делаешь?

– Настраиваю, чтобы звучала лучше. – Янка подкрутила

колки и провела по струнам и наиграла несколько аккордов испанской мелодии.

– А где ты так играть выучился? – восхищенно спросил Петр.

– Тебя только это интересует или что посерьезней спросить хочешь? – Янка внимательно посмотрела на Петра. Он дернул головой, улыбнулся.

– Расскажи мне о будущем, – вдруг решительно попросил он.

– А что тебя интересует?

– Все!

– Нет, все я тебе не расскажу, хоть пытай. А вот немного могу. Задавай вопросы.

– Ну, хотя бы о твоём времени...

– Я живу в удивительном, трудном и интересном времени. Прогресс не просто шагнул, он буквально прыгнул вперед. У нас теперь нано-технологии. Я даже еще до конца не знаю, что это такое. Все компьютеризировано и автоматизировано. Вот мы с тобой машину сделали. Так это прототип машин, которые на наших заводах делают роботы, тоже машины, управляемые людьми. У нас есть самолеты, такие железные птицы, в которых люди летают по воздуху. Мы общаемся, друг с другом не только когда встречаемся, а еще на расстоянии при помощи такого устройства, которое называется телефон. Да много еще всего есть, если бы ты попал к нам, у тебя бы голова закружилась. – Янка улыбнулась. Петр

внимательно смотрел на нее.

– Все это очень интересно, – задумчиво сказал он. – А ответь мне еще на один вопрос. Я задумал создание в России своего флота. Даже верфь на Переяславльском озере закладываем. Сбудется ли эта задумка? – он блеснул глазами.

– Для того ты и родился, – улыбнулась Янка. – Многое сбудется, Пит, но будет трудно.

– Легких путей не ищу! – приободренный Янкой весело сказал Петр.

Янка отложила гитару.

– Может это звучит банально, но я хочу есть, – вдруг сказала она. Петр засмеялся, хлопнул ее по плечу и кликнул Алексашку.

– Вели сюда завтрак принести, да и сам приходи!

Алексашка поклонился и вышел. Через пять минут денщик уже накрыл стол, Алексашка ему помогал. На столе появилась жареная курица, обложенная мочеными яблоками, какая-то каша в большой глиняной плошке, похожая на ячневую, кувшин с квасом, хлеб и деревянные ложки. Денщик все ловко расставил, поклонился и вышел. Алексашка закрыл за ним дверь, учтиво поклонился. Петр первым подошел к столу.

– Ну, прошу всех отведать, что Бог послал! – он махнул Янке и Алексашке, чтобы сядились. Янка села и с любопытством начала рассматривать кушанья.

– М-м! – она потянула носом. – Пахнет вкусно!

Петр усмехнулся, руками разломил курицу и протянул Янке кусок.

– На, еще хлеба возьми!

– Спасибо! – Янка принялась за еду. Петр и Алексашка переглянулись, и завтрак таки начался.

* * *

После завтрака Алексашка с денщиком быстро убрали со стола, а Петр, навестив мать, позвал Янку посмотреть крепость Прешбург, которую сооружали неподалеку от царской резиденции. Янке было любопытно посмотреть на сооружение, о котором она читала, но никогда даже представить не могла, что это за конструкция. Это было нечто деревянное, обнесенное деревянной же стеной по периметру и довольно мощное. Стена была сложена из толстых бревен. Там были и бойницы для мушкетов и для пушек. Из некоторых даже торчали пушечные дула. Ворота, которые служили входом, тоже были довольно мощные на взгляд, хотя и деревянные.

Янка внимательно разглядывая стену, обошла крепость по кругу. Петр, внимательно следя за ее реакцией, шел рядом. Янка остановилась у ворот.

– Ну, что скажешь, Янка? – наконец спросил Петр.

– Ни фиги себе игрушечка получилась! – только и смогла сказать она. – Да размах у тебя царский, ничего не скажешь! Да тут жить можно! А внутри покажешь?

– Конечно! Пойдем! – он толкнул ворота, и они вошли внутрь. Там был небольшой дворик, а в центре довольно высокий сруб со сторожевой вышкой. Он был еще не совсем закончен, не хватало некоторых пристроек, да и во дворике только что конь не валялся. Груды щепок, мусора и прочей строительной дребедени. Янка лишь осмотрела сруб, внутрь не пошла.

– Ничего себе квартирка, – оценила она постройку.

– Правда, здорово?! – Петр счастливо осмотрел все вокруг. – Это ведь мой проект! Я придумал!

– И строишь тоже ты, а также многие другие. Это я знаю, Пит! – Янка хлопнула его по плечу. – Только я еще знаю, что помогают тебе иностранцы. И проект твой они тебе тоже помогали до ума доводить. Я прав?

– Да, ты действительно из будущего, – немного смутился Петр. – Ну, хотел похвастать, виноват!

– Нет, мне все нравится! Ты молодец! Только я не полезу дальше смотреть, тут сам черт голову сломает, работы еще уйма.

– Вот после воскресенья и продолжим строить. Будешь помогать?

– Чем смогу, помогу, – согласилась Янка. – Ладно, пошли уже, к вечеру готовиться надо.

– Да кстати, и тебя переодеть бы, – сказал Петр, когда шли во дворец.

– Это еще зачем? – не поняла Янка.

– Ну, чтоб не отличался от всех.

– Много ты понимаешь в колбасных обрезках! Да у меня самый супермодный вид! – она, прихватив гитару, подошла к двери, ведущей на женскую половину дворца. – Адью до вечера, пойду, навещу Наташу, – и дверь за ней закрылась. Петр дернул бровью, поглядел на дверь:

– Да, однако...

* * *

Пока Петр готовился к вечеру, Янка вела поиск покоев царевны Натальи. В полутемных коридорах с узорными сводами стояли изразцовые печи. Возле них Янка тормозила, разглядывая роспись. Стены тоже были расписаны сказочными зверями и птицами. То слева, то справа попадались полукруглые низенькие двери, тоже украшенные затейливой резьбой. Мимо Янки мельтешили слуги, удивленно поглядывая на нее. Наконец она свернула в очередной коридор немного светлее предыдущих, потому что в нем были окна. Также небольшие с фантазией: в них были вставлены маленькие цветные стеклышки. Из-за одной двери появилась девушка в русском сарафане.

– Извините, пожалуйста. – обратилась Янка к ней. Девушка остановилась и удивленно посмотрела на Янку.

– Где мне найти царевну Наталью? – спросила Янка.

– Вот здесь, господин, – девушка поклонилась и указала

на дверь, из которой только что вышла.

– Спасибо. – Янка кивком головы поблагодарила девушку и подошла к двери. Девушка еще раз поклонилась и пошла по коридору, недоуменно оглядываясь на Янку.

Немного постояв у двери, Янка решительно потянула за кольцо и просунула голову в комнату. Наталья сидела у окна и расчесывала свои золотые волосы. При появлении Янки, она сначала удивилась, а потом обрадовалась:

– Ой, Янка! Ну, заходи! – она поднялась навстречу оторопевшей Янке.

– Ой, Наташа! Какая ты... – с восторгом пробормотала Янка.

– А какая? – привлекая к себе Янку и сажая ее на лавку, улыбнулась Наталья.

– Красивая, как Златовласка!

– Ну, уж, – повела бровью Наталья и начала заплетать косу. Янка рассмотрела комнату. Она была небольшая в два окна. На стенах тесненная кожа, резной стол у окна, по стенам сундучки с резьбой и росписью, лавки. У стола тяжелые резные стулья. На столе шандал со свечой да зеркало в бронзовой рамке. Янка заметила еще одну низенькую дверь, должно быть в спальню.

Янка еще раз посмотрела на Наталью, взяла гитару, провела по струнам и запела:

Там, где тихо плещет речка,

Где оранжевый закат...

Наталья замедлила движения рук и внимательно заслушалась песней. Окончив петь, Янка прикрыла струны ладонью и улыбнулась.

– Хорошо ты поешь, Янка! – похвалила Наталья. – А где же песню такую слышал?

– Как тебе сказать? – задумалась Янка. – У нас во дворе ребята пели, там, где я живу.

– А где же ты живешь? – Наташа прикрутила косу вокруг головы и внимательно посмотрела на Янку.

– Вообще-то это тайна, – снова задумываясь, медленно сказала Янка. – Тебе могу лишь сказать, что очень далеко.

– А братец мой знает о твоей тайне? – лукаво спросила Наталья.

– Как раз он-то единственный, кто знает, откуда я.

– Спой еще чего, – попросила Наталья. – Ну, спой.

Янка подумала, провела по струнам:

Я встретил вас и все бывшее

В отжившем сердце ожило...

Старинный романс разлился по комнате, до глубины души тронув Наталью. Тут дверь отворилась, и в комнату вошел Петр. Янка смущенно покраснела.

– Так вот, что за соловей тут поет! – улыбнулся он. – А и весело тебе, Наташенька! – он подошел к Наталье, поцеловал

ее и сел с ней рядом. – Чего ж замолчал? – обратился он к Янке. – Я, брат, тоже песни слушать люблю, а при мне ты ни разу не пел.

Янка, смущенно сопя, посмотрела на Наталью. Она дружелюбно улыбнулась.

– Спой, Янка! Не бойся!

– Я не боюсь, – спокойно ответила Янка. – Я просто думаю, какую песню спеть.

Она кашлянула, заиграла и запела:

*Я засмотрелся на тебя,
Ты шла по палубе в молчанье
И тихо белый теплоход
От шумной пристани отчалил...*

Петр, не сводя глаз с Янки, обнял Наталью, а она положила голову ему на плечо. Под открытым окном Натальи собрались дворовые. Все слушали Янку. Она окончила петь и сказала:

– Ну, все, концерт окончен! Дамы и господа у музыкантов обеденный перерыв, а у зрителей антракт!

Петр и Наталья рассмеялись, но не поняли намека.

– Короче, перевожу на простой язык! Я есть хочу!

– Так бы и сразу! – засмеялась Наталья, встав и обняв Янку. – Беги в столовую палату, мы тебя догоним!

Янка вприпрыжку понеслась по коридору. Петр поглядел ей вслед:

– Постреленок, а! Чего хошь выкинет! Однако смел, умен невероятно! Пойдем, сестренка, – и они с Натальей пошли вслед за Янкой.

После обеда Янка прогуливалась во дворе, рассматривая дворец снаружи. Отсюда он был не таким интересным, как внутри. Строение было уже обшарпанным и серым и требовало капитального ремонта. Деревянные стены дворца потрескались, и издали он был похож на картонный замок. Да, вид у царских апартаментов довольно хилый, подумала Янка, рассматривая постройки вокруг дворца.

Оглядевшись, Янка присела на траву возле дерева, росшего неподалеку. Хорошо здесь, подумала она, воздух чистый, зелени полно, а у нас... Янка печально вздохнула.

Тут она увидела довольно привлекательную девочку лет тринадцати с золотой косой, по виду дворовую. Среди кучи челяди, которая рябила перед глазами целыми днями, Янка видела ее впервые. Играть так играть, подумала Янка и поднялась. Девочка быстро шла к конюшням.

– Эй, постой, красавица! – крикнула Янка девочке. Та испуганно оглянулась и остановилась. Янка вразвалочку подошла к ней, заглянула в глаза.

– Куда спешишь, краса-девица?

Девочка поклонилась и тихо пробормотала:

– Тятенька за водицей послал, господин.

Янка увидела у девочки в руке ковшик.

– Я не господин, я просто мальчик. Разреши тебе помочь?

– Ой, нет, благодарствую, господин, – испугалась девочка.

– Да ты не бойся меня, – улыбнулась Янка. – Как тебя зовут?

– Настей, – смутилась девочка. – Дозволь идти, господин, – она умоляюще посмотрела на Янку.

– Нет, не позволю! – дружелюбно подмигнула ей Янка. – Давай-ка ковшик и показывай, где колодец! – она взяла у Насти ковшик и обняла ее за плечо.

Девочка покраснела, потупилась и повела Янку за собой. За конюшнями на отшибе стоял сруб колодца. Янка набрала воды в ковш, и они пошли обратно. Настя все краснела и молчала, не поднимая глаз.

– А для кого водица-то? – спросила, наконец, Янка.

– Для дедушки, болен он, – сказала Настя. – Дозволь идти, господин! – она протянула руку за ковшом.

– Болен? – Янка решительно взяла ее за руку. – А ну, веди к нему!

Девочка дернула плечиком и повела Янку на задний двор. Они обогнули дворец, и Янка вспомнила, что именно отсюда ее выводила Агафья Тихоновна. Через черный ход они вошли в темный коридор, где пахло мышами и плесенью. Настя привела Янку в какую-то полутемную каморку. Немного приглядевшись, Янка рассмотрела в комнате грубо сколоченный стол у мизерного оконца, едва пропускающего дневной свет. Рядом со столом две лавки. Угол комнаты завешен грубой мешковиной. На лавке сидел мужик с нечесаной бородой и всклокоченными волосами в мятой рубахе и драных штанах. И вообще у него был зловещий вид. Вылитый леший, отметила Янка сходу.

– А, явилась! За смертью тебя посылать! – хрипло и гроз-

но сказал он девочке.

– Тятенька, тут вот господин... – пролепетала Настя, задрожав. Мужик разглядел, наконец, Янку, поклонился. Янка поставила на стол ковшик и спросила:

– Где больной?

– Вот он, господин, – мужик растерянно указал на занавеску. Настя откинула ее, и Янка, стремительно зайдя, увидела в углу на соломе старика накрытого лоскутным грязным одеялом. Он тяжело дышал, одна щека играла нездоровым румянцем. Янка тут же безошибочно определила воспаление легких.

– Так, ждите меня здесь! Я скоро! – обернувшись к Насте, быстро сказала Янка. Та поклонилась, а Янка уже неслась в комнату Петра за сумкой. Ворвалась – никого. Нормально, удовлетворенно подумала она, хватая сумку за ляпку. Взгляд упал на кафтан Петра, висящий на спинке стула. Янка машинально залезла в карман кафтана и вытащила золотую монету. Пригодиться, подумала она про себя, засунула монету в карман и побежала на кухню. Там выпросила кружку молока и бегом помчалась на задний двор. Едва отдышавшись, влетела в каморку. Зашла за занавеску и присела рядом с дедом. Он приоткрыл глаза и порвался подняться. Янка с усилием уложила его. Молча достала из аптечки горчичники и повернулась к Насте. Они с отцом стояли тут же и наблюдали за ней.

– Дай-ка ковш! – сказала Янка. Настя подала ковш. При-

годился взятый в поход кипяtilьник на батарейках. Быстро подогрев воду, Янка поставила деду горчичники. Укутала ему грудь одеялом.

– Теперь дедуля, потерпи немного! – весело, но спокойно сказала она деду. Тот немного удивленно посмотрел на Янку.

– Откуда ж ты, ангел?

– Ну, дед, разве я похож на ангела? Ты что, помирать собрался? Когда заболел?

– Так вот второй день лежу после колодезной водицы, – дед тяжело вздохнул. – Чегой-то у меня в грудях запекло. Помираю, господин?

– Нет, дед, это мое лекарство действует. Тебе, считай, повезло, что не запустил болезнь. Скоро выздоровеешь! Потерпи немного.

Через несколько минут Янка сняла горчичники, дала деду аспирин и, подогрев молоко, велела выпить.

– Ну, вот и все, – сказала, наконец, Янка, собирая аптечку в сумку, – завтра, возможно, загляну. Пока, дед, поправляйся! – она махнула на прощанье поклонившимся ей Насте и ее отцу, и пошла во дворец.

* * *

Вечером Янка уже сидела в одноколке и, скучая, просматривала треки в плеере. Гитару она оставила в комнате Петра, чтобы не мешалась. С собой Янка взяла только сумку. На-

конец, из-за дворцовой двери появились Петр и Алексашка. Одеты они были шикарно. Янка только в кино видела такое. Она удивленно свистнула и даже привстала. Петр важно положил руку на эфес шпаги:

– Ну, как, Янка? Не стыдно на ассамблей, а?

– Отпад! – восторженно сказала Янка. – Да, парни, прикид классный!

Алексашка занял место на козлах.

– Однако, – Петр дернул головой, садясь рядом с Янкой, – шустер ты, Янка, – он хлопнул ее по плечу и коротко засмеялся. Алексашка дернул поводья, и одноколка тронулась. По дороге Янка вытащила плеер:

– Побалдеем?

Петр ее не понял, но согласно кивнул головой, плеер его давно заинтересовал. Янка поставила дискотеку восьмидесятых. Пока ехали, всю дорогу Янке казалось, что все происходящее, лишь сон. Она слушала музыку с закрытыми глазами.

Потом она поставила нашу попсу и под песню Димы Билана «Так устроен этот мир» они въехали на Кукуй.

Перед воротами Янка выключила музыку. Солнце уже склонилось к горизонту, и последние лучи его золотили верхушки облаков.

* * *

Немецкое поселение было до того похоже на описанное в

романе Толстого, что Янка даже приоткрыла рот от удивления. А может и Толстой по какой-то счастливой случайности оказался здесь, подумала Янка, ведь так подробно описать все это можно, если увидеть собственными глазами. Перед взором зарябили нарядные домики, словно вырезанные из картона и затейливые газоны с фигурно подстриженными кустами.

Алексашка подмигивал девушкам, гуляющим по песчаным дорожкам. Петр сидел довольно важно, без улыбки поглядывая на снимающих в приветствии шляпы немцев. Они с интересом глядели на Янку, а она помахивала им ладошкой, как это делали политические деятели, которых она видела по телевизору. Одноколка остановилась возле одного из домов, который Янка назвала бы особняком в два этажа, напоминающий музей. Петр и Алексашка еще толком не слезли с одноколки, как из дома появился сухонький человек в лиловом камзоле и большом темном парике. Он как мотылек спорхнул по ступеням.

– Ист ду дас Питер? – спросил он по-немецки. Петр засмеялся, загреб его в охапку и поцеловал:

– Здорово, Франц! А я прослышал, ассмаблей у Монса, да и дело к тебе есть.

– О, да! – заговорил тот обрадовано. – У Иоганна сегодня большой праздник!

– Да ну? – Петр удивился. – И какой же?

– День ангел его дочь! – Лефорт (это Янка поняла, как

только увидела его) хитро прищурился и многозначительно поднял палец. Петр как-то неопределенно свистнул:

– Вот те раз! А Яким мне ничего не сказывал! – и пригрозил. – Ну, я ему!

Янка все это время молча разглядывала Лефорта, который поначалу не обратил на нее внимания. Лефорт, наконец, взглянул на Янку.

– А это кто с тобой, Питер?

– А, это Янка. – Петр подтолкнул Янку к Лефорту. – Изрядный малый, но толковый.

Лефорт с интересом посмотрел на Янку.

– Я могу показать тебе, мальчик, водяную мельницу, а может, ты хочешь взглянуть на музыкальный ящик?

– Спасибо, – вежливо ответила Янка. – Мне бы ноутбук в четыре ядра с четырьмя гигами оперативки и жестким диском хотя бы на двести пятьдесят гигов, а моя мечта на пятьсот. У вас случайно нет? – она лукаво прищурилась.

– А что сие такое? – опешил Лефорт. Петр все это время, казалось, о чем-то напряженно думал и вроде не слушал разговор, но после последней фразы Янки вlepил ей звонкую затрещину.

– За что?! – Янка возмущенно обернулась.

– А чтоб голову не морочил, – пояснил Петр не ей, а Лефорту. – Побудь здесь! – велел он Янке, и, хлопнув озадаченного Лефорта по плечу, сказал. – Пошли, Франц, о деле поговорим.

Лефорт рассеянно кивнул, посмотрел на Янку, и они ушли в дом.

Янка почесала подзатыльник и вздохнула. Потом засунула руки в карманы джинсов и лениво начала прогуливаться возле дома, разглядывая архитектуру. Алексашка сидел в одноколке, следя, как слуги кормят лошадей, и насвистывал. Наконец Янке стало скучно, и она вышла за ворота на улицу. По улице степенно шли нарядные люди, проезжали брички, экипажи и все в одном направлении к дому Иоганна Монса. Янка посмотрела на часы. Чего у него там за дело, с досадой подумала она, так и на день рождения опоздаем. День рождения! Янка даже ахнула, вот это номер, а подарка-то у нас нет! Что же делать? Она начала быстро соображать, прохаживаясь взад-вперед по песчаной дорожке. Хлопнула дверь.

– Куда этот сукин сын делся? – послышался бас Петра.

– На улицу вышел, – преданно ответил Алексашка. Янка обернулась.

– Неслух! – увидев ее, выдохнул Петр и нахмурился. Вслед за ним подошли Лефорт и Алексашка. Янка ничуть не прореагировала на грозный вид Петра, а заговорщически нетерпеливо поманила его в сторону. Петр удивился, но подошел. Янка пригнула его, обняв за шею, и зашептал в самое ухо:

– Как же мы на день ангела пойдем без подарка? Нехорошо получится. – она серьезно посмотрела на него. Петр перехватил ее взгляд.

– А как быть? – тоже шепотом спросил он. – Кабы знать.

– Это не оправдание, – возразила Янка. – Ну, ничего, не кисни, я тебя выручу. Я один стих знаю, просто класс, ей понравится.

Петр усмехнулся, кивнул:

– Добро, Янка! – и выпрямился. Махнул рукой Лефорту с Алексашкой, и все вместе они пошли по песчаной дорожке. Тут Янка заметила на другой стороне улицы цветочную лавку, и ее осенило.

– Подержи, я сейчас! – торопливо сунула она Петру сумку и полетела через улицу. Все недоуменно переглянулись. Янка подбежала к лавке, к счастью она была еще открыта. Симпатичная девушка, улыбаясь, встретила Янку:

– Желаете купить цветы? – с приятным акцентом спросила она.

– Самые красивые, и, если можно, розы! – попросила Янка, шаря в карманах.

– Битте! – продавщица принесла букет алых роз и завернула их в красивую бумагу. Янка, наконец, извлекла из кармана ту самую монету, которую стащила у Петра, и, поблагодарив, заплатила. Не дожидаясь сдачи, схватила букет и бегом назад. Подбежала к Петру, вырвала у него сумку и сунула ему букет.

– Вот, это вместо подарка! – едва отдышавшись, сказала она. – Пошли!

Все рассмеялись и пошли дальше.

– О, Петер, твой приятель знает, что надо дарить молодой девушка! – смеясь, сказал Лефорт. Алексашка шел чуть сзади и посмеивался. Петр смутился, засопел и только кинул благодарный взгляд на Янку. А она чувствовала себя героем. Наконец они подошли к большому дому, примерно такому же как у Лефорта, чуть разве поскромнее. В полутемном коридоре Алексашка нагнал Янку.

– Учти, Янка, кого государь любит, того и бьет! – шепнул он ей и поспешил за Петром. Янка сначала не обратила внимания на его слова, но потом поняла намек и вздрогнула.

* * *

Они очутились в светлом просторном зале. Горели свечи в хрустальных люстрах, пылал камин. Гостей было сколько, что у Янки зарябило в глазах от обилия блеска и красоты нарядов. Ей даже показалось на мгновение, что это кино. У нее закружилась голова, и она чуть не врезалась в остановившегося Петра. Он величаво оглядел всех с высоты своего саженого роста. Все гости тут же повскакали с мест. Кавалеры замели шляпами по полу, а дамы, шелестя шелком своих пышных платьев, низко присели в реверансе. Из-за стола выскочил толстый человек в пегом парике и расшитом золотом кафтане. Это был хозяин – Иоганн Монс.

– О, гутен абен, герр Питер! – воскликнул он после поклона и бросился навстречу. – Я рад вас видеть! Проходите,

битте!

Петр прошел за ним и занял почетное место за столом. Янка перестала стесняться, и смело уселась рядом с ним. Лефорт пошел приветствовать знакомых, а Алексашка сел с другой стороны от Петра. Петр с волнением огляделся вокруг: нет, Анны еще не было. Посмотрел на букет, усмехнулся. Янка тем временем рассматривала зал. Улавливалось в нем что-то знакомое, будто где-то она видела это раньше, только в меньших размерах. Эти зеркальные окна напротив настоящих, эта лепка на стенах, картины, люстры, плафон на потолке. Как на съемочной площадке, подумала Янка, прислушиваясь к гулу голосов.

Тут торжественно заиграл оркестр, все гости встали и зааплодировали. Петр тоже встал, с волнением раздувая ноздри.

* * *

С противоположной стороны зала появилась девушка в белом пышном платье, ее светло-русые волосы были украшены цветами. Она была похожа на принцессу из сказки. Янка тоже залюбовалась ей. Красивая, с завистью подумала она и вздохнула. У Петра бешено забилося сердце. Он как замороженный, сжимая букет и не спуская с девушки глаз, пошел к ней навстречу в образовавшийся коридор. Она тоже увидела его и остановилась. Петр подошел к ней, протянул букет:

– Поздравляю тебя, Аннушка! – тихо произнес он и смутился. Анна низко присела в реверансе, приняла букет и улыбнулась.

– О, Петер, благодарю вас!

Петр взял ее за руку. Оркестр заиграл менуэт. Петр повел Анну в танце. Все гости тоже начали танцевать. Такое мгновение упускать было нельзя, и Янка вытащила фотик. Освещения было достаточно, так что даже не воспользовалась вспышкой. Сделав три дубля, Янка рассмотрела фотки. На одной Петр был на первом плане. Янка быстро упаковала все в сумку и продолжила наблюдать за танцующими. Увидела Меньшикова в компании девиц. Он что-то рассказывал, те смеялись. Янка тоже улыбнулась. Потом поглядела на стол, и у нее даже кишки схватило: чего там только не было! Янка быстро оценила обстановку, половина гостей танцует, за столом почти никого, а те, кто сидит, общаются между собой, потягивая вино, хозяин разговаривает с друзьями. Янка, не теряя времени, оценила стол. И вдруг среди изысков и винных кувшинов она увидела большое блюдо с чем-то похожим на угольки одинаковой формы. Янка протянула руку, взяла один, понюхала и чуть не задохнулась от восторга. Печеная картошка! Как же я без тебя соскучилась, с радостью подумала Янка. Картошка, правда, была не соленая, но это было даже лучше. Янка нашла на столе что-то жареное, типа мяса. А оно было и соленое и перченое. На этот раз Янка чуть не объелась. Налила себе вина, хлебнула. А вино ничего, по-

думала она, не крепкое и на вкус как слегка подбродивший компот. Уф, пора проветриться, проползла в голове очередная мысль. Янка еле вылезла из-за стола и вышла в сад, похожий на парк. Стало уже темновато, и лишь свет из окон дома был освещением.

* * *

Янка прогулялась по песчаной дорожке вдоль кустов жасмина, вдыхая их аромат. Вдруг она услышала смех и голоса. В сад выбежала Анна, за ней Петр. Она, смеясь, побежала по дорожке, он последовал за ней.

– Ах, Петер! У меня совсем закружилась голова! – ломано, но с приятным акцентом сказала Анна. Петр поймал ее и потащил за собой.

– Пойдем, ведь ты еще не слышала главного! Янка! – позвал он. Янка выглянула из-за куста.

– Я здесь! Идите сюда!

Петр, увидел Янку в тени кустов, взял Анну за руку и подошел к Янке.

– Вот он!

– Кто это, Петер? – спросила Анна.

– Дружок мой, Янка, – представил Янку Петр. – Пойдем, сядем, – предложил он Анне. Они уселись на скамейку под кустом жасмина. Янка стояла и молчала. Анна смотрела то на Петра, то на Янку, ничего не понимая.

– Ну, начинай, Янка! – сказал Петр.

– Дорогая Анна! – торжественно начала Янка. – Поздравляем тебя с днем твоего ангела, и прими в подарок эти скромные стихи! – Янка достала плеер и включила тихую мелодию.

*Нева все выше поднималась,
Был ветер холоден и строг,
Вода осенняя плескалась
Под шум листвы у самых ног.*

Анна широко открыла свои небесно-голубые глаза и замерла, слушая Янку. Петр тоже притих и почти не дышал. Когда Янка читала строки:

*Есть в жизни светлые мгновенья
Когда совсем не надо слов,
Когда лишь двух сердец биенье
Как перезвон колоколов.
она смотрела на Петра. А на строках
Мы часто сами виноваты
Друзей, теряя и подруг...
она смотрела на Анну.*

А они, казалось, не замечали ее взгляда, они смотрели друг на друга. Янка выключила музыку. Анна первая посмотрела на нее.

– Прекрасные вирши! – с восторгом сказала она, подня-

лась и подошла к Янке. – Спасибо, Янек! – она поцеловала ее в щеку. Янка смущенно покраснела.

– Это тебе от нас, – сконфуженно пробормотала она, кивнув на Петра. Анна улыбнулась ему.

– О, Петер! Благодарю вас! – она опустила ресницы. Янка с интересом наблюдала, что будет дальше. Петр смущенно кашлянул, потом кинул острый взгляд на Янку. Она внимательно следила за каждым его движением и молчала. Он засопел, свел брови.

– Янка, поди, погуляй покуда! – немного неуверенно сказал Петр. И, видя, что Янка не реагирует, добавил строго потцовски:

– Я кому сказал!

Янка обиженно хмыкнула и исчезла за кустом. Петр счастливо вздохнул и нежно взглянул на Анну. Она улыбнулась ему:

– Какой славный мальчик ваш друг, Петер.

– Не то! – он вдруг судорожно обхватил ее и со страстью начал целовать плечи, шею, волосы.

– Ах, Петер! – слабо сказала Анна, пытаясь вырваться, но потом вдруг обмякла, подчинилась. Янка раздвинула кусты и застыла с удивленно-восторженным выражением лица. Такой поцелуй она видела только в крутых мелодрамах. Она мысленно сосчитала до девяти. Полнейший нокаут, подумала Янка и чуть не засмеялась.

Тихонько отодвинувшись от куста, она перешла на другую аллею, задумчиво прислушиваясь к недалекому гомону голосов. С реки доносился звук какого-то инструмента, похожего на лютню и женский смех. Вдруг что-то бабахнуло, хлопнуло, с шипением в небо взвились разноцветные брызги. Начался фейерверк. Это было потрясающее зрелище. Янка скорее пошла к берегу реки, чтобы лучше видеть. Ракеты взлетали и, рассыпавшись на огненные осколки, падали в воду. С шипением крутились огненные колеса, рассыпая вокруг горящие брызги. Янка смотрела как замороженная. Но фейерверк длился недолго. Снова стало темно и тихо. Янка вздохнула и пошла обратно в сад. Внутри у нее булькала ревность, она сопела, но сдерживалась. В конце концов, это история, пусть целуется до поры до времени. Тут в тени куста Янке в глаза бросилось что-то светлое. Она остановилась и пригляделась. На скамейке сидела девочка лет двенадцати-тринадцати в голубом пышном платье. Хотя было довольно темно, ее хорошо было видно на фоне темного куста. Девочка сидела неподвижно, точно каменная. Янка тихо подошла и осторожно под села к ней.

– Не помешаю, мадмуазель?

Девочка вздрогнула и испуганно ахнула:

– Ах, сударь, вы меня напугали!

– О, пардон, мисс, я не хотел вас напугать, – учтиво сказала Янка, входя в образ ловеласа. – Почему вы здесь одна в такой поздний час?

– Так получилось, – девочка подняла на Янку свои большие глаза.

– О, могу предположить, что вы поссорились с кем-то, кто вам не безразличен? Я угадал?

– И да, и нет, – уклончиво ответила девочка, отодвигаясь от Янки, которая придвинулась к ней весьма близко.

– А вы сударь, верно из свиты государя? – осмелилась спросить девочка, теребя уголок платья.

– Нет, а с чего вы взяли? – томно спросила Янка.

– Я видела вас рядом с государем, когда он вошел.

– Я могу быть просто его другом, – слегка касаясь ее локтя, произнесла Янка, окончательно входя в роль. – Позвольте вашу ручку, – она бережно взяла девочку за руку. Та попыталась вырваться.

– Что вы делаете?!

– Просто пытаюсь с вами познакомиться, – ответила Янка, не отпуская ее руки, а второй обнимая за талию.

– Да как вы смеете! Да вы что? Пустите! – девочка прямо обмерла от страха. Это Янка поняла по тем судорожным движениям, которыми она пыталась вырваться.

– Послушай, малышка! – Янка вдруг заговорила как американский ковбой. – Я не сделаю тебе ничего плохого. Ты целоваться умеешь?

– Что? – девочка от возмущения даже онемела.

– Значит, не умеешь. – Янка вдруг сильно обхватила ее. – И я не умею, – она вдруг резко зажала ей рот поцелуем. Девочка в ее руках как-то сразу ослабла и закрыла глаза. Су-пер, подумала Янка. И тут...

* * *

– Как вы посмели! – раздался совсем рядом звонкий мальчишеский голос. Янка вздрогнула от неожиданности и чуть не уронила девочку, буквально повисшую у нее в объятиях. Осторожно посадив ее на скамью, Янка обернулась и увидела мальчика лет четырнадцати в красном кафтане и бархатных штанах того же цвета. Его темные волосы выбились из-под бархатной треуголки. Мальчишка гневно сверкал глазами.

– Как вы посмели? – резко выкрикнул он с немецким акцентом. – Вы оскорбили честь моей сестры! Защищайтесь! – он выхватил шпагу.

– Круто! – усмехнулась Янка, снимая с плеча сумку, и положив ее у скамейки. – А вам не кажется, сударь, что сводить счеты при даме неуместно настоящим джентльменам? – как по книге с достоинством спросила Янка.

– Зер гут! – согласился мальчишка. – Иди домой! – велел он девочке. Она тут же убежала.

– Итак, сударь! – мальчишка выставил шпагу. – Защищайтесь!

– Я бы почел за честь быть к вашим услугам, но у меня нет шпаги! – не растерялась Янка. Мальчишка был выше ее, но вряд ли он знал приемы борьбы.

– А! Так ты холоп! – злорадно вскричал он. – Тогда я убью тебя! – он сделал выпад вперед, и тут же каратистским движением ноги Янка, увернувшись, выбила у него шпагу. Она со звоном отлетела в сторону. Мальчишка от неожиданности отпрянул. Янка приблизилась к нему.

– Мне жаль, но, по-моему, ты сам напросился, парень! Я тоже не прощаю оскорблений! – со сдержанной злостью сказала она и ловким приемом самбо бросила его через бедро. Мальчишка вскипел и кинулся в обычную драку. Янка опять бросила его через себя. Падая, мальчишка ухватился за нее, и они оба грохнулись не песок. Это разозлило Янку. Она с разворота врезала ему кулаком под глаз.

– Это тебе печать на удостоверение личности! – яростно выдохнула Янка, сатанея от злости. Мальчишка барахтался в песке как перевернутая черепаха. Наконец, Янка уселась на него, прижав ему руки к земле.

– А теперь ты скажешь, простите, пожалуйста, я поступил нехорошо, обозвав вас плохим словом! – сквозь зубы процедила Янка, сидя на нем верхом. Мальчишка презрительно скривился и завозился, пытаясь вылезти из-под нее. И ему уже почти это удалось, но Янка милицейским приемом сбила его с ног. Он грохнулся на живот, она заломила ему руку за спину. Он охнул, уткнувшись лицом в песок. Янка вывер-

нула ему руку сильнее. Он замычал от боли.

– Прости прощения, ну! Или сожрешь весь песок в этом саду! – тыкая его лицом в дорожку, рычала Янка. Худо пришлось бы этому парню, и неизвестно, чем бы все это закончилось...

* * *

Вдруг Янка почувствовала, как чья-то сильная рука больно сжала ей шею и потянула вверх. Она от неожиданности отпустила мальчишку и обернулась. Петр, сопя и стиснув зубы, поставил ее на землю.

– Ты что же делаешь, а?! – едва сдерживаясь, загремел он. – Ты почто мне драку затеял?! – он сильно встряхнул еще не остывшую Янку.

Простившись с Анной, Петр пошел на поиски Янки, услышал какую-то возню, раздвинул кусты и увидел: Янка катается в пыли и мутузит (Петр сразу узнал) сына лучшего корабельного мастера из Голландии Ренсена.

Мальчишка тем временем поднялся и, одернув кафтан и подобрав свои вещи, взъерошенный и жалкий, с фонарем под глазом, отплевываясь, прихрамывая, побрел по песчаной дорожке.

Янка грубо вырвалась у Петра и резко повернулась к нему.

– Какого черта ты влез! – дерзко сказала она. – Мое это дело! Понял?! Мое! И не лезь, когда не просят! Иди вон со

своей...пигалицей целуйся! – в исступлении крикнула она, едва сдерживая злые слезы. Петр побелел.

– Что?! Как...ты ее назвал?! Дрянь! – он ударил ее наотмашь по лицу. Янка отлетела как футбольный мяч. В голове зазвенело, во рту стало солоно. Она медленно поднялась, провела рукой по губам. На руке остался кровавый след. Она взглянула на Петра. Он подошел, сопя, схватил ее за шиворот, поволок за собой. Янка спотыкалась и упиралась. Он дотащил ее до экипажа. Меньшиков, сидевший на козлах, увидев белого от гнева Петра и всколоченную с разбитой губой Янку, удивленно свистнул.

– Вяжи его, Данилыч! – прохрипел, задохнувшись бешенством, Петр. Алексашка, все еще удивляясь, связал Янке руки ремнем и втолкнул в одноколку. Всю дорогу Петр молчал, стиснув зубы и сжав кулаки. А как доехали до места, резко слез с экипажа и велел Алексашке:

– В амбар его до утра! – и стремительно ушел во дворец. Меньшиков поволок, упирающуюся Янку в амбар. У двери развязал ей руки и втолкнул внутрь. Запер. Потом его темная физиономия появилась в окошке.

– Ну, допрыгался, Янка? – тихо сказал он. – А я упреждал тебя. Завтра, коли не повинисься, он тебя повесит, али еще чего.

– Иди ты к черту! – сквозь зубы процедила Янка. Алексашка усмехнулся, продолжая стоять.

– Пошел отсюда! Ну! – она замахнулась на окно сумкой. Алексашка засмеялся:

– Ишь, буйный какой! Ничего, за ночь остынешь! – и ушел.

* * *

Янка уронила сумку, бросилась на солому и заплакала от бессилия и злости на себя и на Петра. Потом, немного успокоившись, она оценила свое положение, и у нее снова задрожал подбородок. Какая же я дура! Чего я ему наговорила!

Потом она овладела собой: нет, я ему сказала правду. Та, с которой он связался, кинет его в один прекрасный момент. Но он не должен этого знать! Значит, придется извиниться за пигалицу. Ладно! Но за драку – никогда! Она смахнула злую слезинку, достала носовой платок, промокнула разбитую губу. В голове шумело, и Янка проглотила таблетку анальгина из аптечки. Глянула в окошко на дворец. Окно Петра все еще освещалось.

* * *

Алексашка просунул голову в комнату Петра, потом тихо вошел. Петр сидел за столом уже в исподнем и невидяще глядел на оплывающую свечу. Потом резко повернул голову и бешено взглянул на Алексашку. Тот инстинктивно попятился и сел на лавку. Петр посопел.

– Нет, за сии слова он мне спиной ответит! – зловеще сказал Петр и поглядел на притихшего Алексашку. – Батогов завтра мне сюда принесешь! Или плеть! – велел ему и посулил. – Я с него три шкуры спущу! – грохнул кулаком по столу и задул свечу. Алексашка тихо прижух на лавке и прислушивался к дыханию Петра. Тот долго ворочался, вздыхал, наконец, засопел ровно. Меньшиков тихо сполз с лавки и выскользнул на улицу. Что-то вдруг екнуло у него в сердце, стало страшно и тревожно за Янку. Он подбежал к амбару: – Янка, ты спишь?

– Опять ты? – отозвалась она сипло.

– А ну выкладывай, почему государь на тебя в таком гневе?!

– А тебе-то что? – насмешливо спросила она.

– А то, что я его в таком гневе еще не видел! Расскажи, что случилось, я тебе помочь хочу.

– Ты серьезно? – с сомнением спросила она.

– Ей Богу! – перекрестился Алексашка.

– Ну, в общем, я его Анку пигалицей обозвал, – виновато вздохнула Янка.

– Спятил?! – ахнул Меньшиков, потом после паузы спросил. – А чего такой потрепанный?

– Подрался с одним придурком, – неохотно сказала Янка. – Ну, а Пит помешал. Тут я ему и брякнул вгорячах.

– Да, худо твое дело, Янка.

– Прям худее не бывает? – усмехнулась она мрачно.

– Напрасно ершишься, я всерьез говорю, – досадливо произнес Алексашка. – Эх, парень, язык твой, враг твой, ей Богу!

– Начинается! Вот только нотаций мне на ночь глядя и не хватало! Особенно от тебя! – начала злиться Янка. – Если дело пришел говорить, говори!

– Бежать тебе надо! – Алексашка вплотную придвинулся к окну.

– Это еще зачем? – насторожилась Янка, тоже подойдя к окну поближе.

– А затем... – Алексашка сделал паузу и сказал решительно, – запрет он тебя завтра!

Янка на секунду онемела от такой новости. Все, что мину-ту назад казалось ненастоящим, вдруг обрело реальные черты. У нее даже ноги подкосились.

– Как это? – пробормотала она сразу пересохшими губами.

– А вот так, – вздохнул Алексашка. – Велел мне завтра ему в опочивальню батогов принести, али плетку!

– А ты? – Янка сильно побледнела и отерла пот, выступивший на лбу.

– А что я? Приказ государя, сам понимаешь, – неловко сказал Меньшиков. – Ты беги! Я тебе открою!

– Куда? – вдруг спокойно спросила она, и сама поразилась этому спокойствию.

– Куда хочешь! – отчаянно сказал Алексашка.

– А чего это ты такой заботливый? – вдруг жестко спросила она. Он засопел обиженно:

– Зря ты так, Янка. Я ведь по дружбе.

– Ага, ты сначала разберись кто тебе ближе, я или Пит! – она усмехнулась. – Нет, спасибо, бежать мне нельзя. Я виноват перед ним! – голос у нее зазвенел, и она осеклась.

– Эх, паря! Не знаешь ты, на что идешь, – пожалел ее Меньшиков.

– Это мое дело! – гордо сказала Янка. – Иди Саня, и спи спокойно, твоя совесть чиста.

Алексашка печально вздохнул, и Янка услышала удаляющийся шорох его шагов. Потом она улеглась и крепко уснула.

* * *

Наступило утро. Петр открыл глаза и тут же вспомнил все, что произошло вчера. Гнев разгорался с новой силой. Он живо оделся и кликнул Меньшикова.

– Ну, либер киндер, – строго сказал Петр, когда тот вошел. – Исполнил ли то, что я тебе велел?

– Мин херц! – Алексашка с мольбой посмотрел на него. – Пощади его, прошу тебя! Если чего и сказал он тебе не то, так то по дуности, ей-ей! Мин херц!

– Перечишь?! Заступаешься! – Петр схватил его за рубашку и с силой притянул к себе. – Осмелел! – он тряхнул оцепеневшего от страха Алексашку. – погоди, либер киндер, ты следующий! Отвечай, принесешь, что я велел?

– Нет! – Алексашка отчаянно посмотрел на него и потупился.

– Баба! – Петр презрительно оттолкнул его от себя. – Запомни, о пощаде для него и не проси! По дуности, говоришь, сказал? За дуность и получит! Приведи мне его! Живо!

Алексашка на негнущихся от страха ногах пошел за Янкой. Петр бешено оглядел комнату. Взгляд его остановился на шпаге, лежащей на столе. Он подошел, отстегнул от нее кожаную португею и сложил пополам.

* * *

Алексашка разбудил Янку. Она мрачно взглянула на него:

– Конвой пришел? – усмехнулась, поднялась, отряхнулась, подобрала сумку. – Ну, веди.

– Янка! – Меньшиков отчаянно посмотрел на нее. – Он просто в ярости! Меня и слушать не стал! Беги, Янка!

– Теперь все равно, – чужим голосом сказала Янка, – пошли, – и вышла из амбара.

Алексашка как побитый пес поплелся за ней, лихорадочно придумывая, как спасти Янку.

Перед дверью в комнату Петра Янка невольно замедлила шаг. Потом решительно вздохнула и вошла. Как только за ней закрылась дверь, Алексашка застонал и закрыл лицо руками.

* * *

Янка, не глядя в сторону Петра, понуро прошла в угол комнаты и сбросила с себя сумку. Он дернул головой и резко шагнул к двери и запер ее на засов. Янка оглянулась на Петра и в ужасе прижалась к стене. Он «весь как божия гроза» невольно припомнились пушкинские строки, бледный, с пепелящим взором, заложил руки за спину и медленно заго-

ворил:

– Ты ничего не хочешь сказать?

– Хочу, – охрипнув от волнения, сказала Янка, глядя исподлобья с другой стороны комнаты. – Я хочу извиниться за оскорбление невинной девушки. Она была ни при чем, и мне жаль, что так получилось.

– Не более? – возмущаясь все больше, почти спокойно спросил Петр. Янка вся сжалась в комок под его жутким взглядом.

– Не более, – твердо сказала она.

– Та-ак. – с негодованием подытожил Петр, дернув бровью, и подошел к столу. – Твоя вина слишком тяжела, чтобы думать о снисхождении. Первое, ты затеял драку в саду знатного человека с сыном знатного корабельщика.

– Я же не знал! – попыталась оправдаться Янка.

– Молчи! – загремел на нее Петр. – Ты уже все сказал вчера! – и продолжал. – Второе, ты надерзил мне, понеже я помешал сему побоищу. И третье, ты в своем злословии против меня затронул особу, которая была вовсе ни при чем, но ты раскаялся в последнем, – он перевел дух и продолжал. – А за остальные две вины ты будешь наказан! – он взял со стола портупею. – Живо! На лавку!

Янка плотнее прижалась к стене, пылко желая, чтобы стена ее проглотила. Нет, это не со мной, этого не может случиться со мной, в ужасе думала она, еще немного и я откроюсь. Стало по – девчачьи страшно, впервые в ее жизни. Она

с мольбой посмотрела на Петра.

– Пит, а может, договоримся без осложнений? Ну, хочешь, я и перед тем пацаном извинюсь и перед тобой при всех тоже. Пит, не надо, пожалуйста! – лепетала она, видя, что он вот-вот атакует. Он пропустил ее лепет мимо ушей и медленно двинулся к ней. Янка по стенке, прилипнув к ней спиной, на парализованных страхом ногах отодвигалась, с ужасом глядя на него. Но взгляд Петра был неумолим. Он подходил, она отодвигалась, хотя было уже некуда.

– Пит, пожалуйста, ... я же не хотел... ты же сам мне помешал... Пит!

Но он словно оглох и подошел к ней, взял за шиворот и поволок к лавке. Тут у Янки прорезался голос:

– Пит! Не надо! Я больше не буду! Нет! – отчаянно просила она, упираясь, как только могла. Когда Петр попытался бросить ее на лавку, она, вывернувшись, вцепилась ему в штаны.

– Ах, ты, дрянь! – Петр стегнул ее. Янка вскрикнула и отпустила руки. Он, рыча от бешенства, швырнул ее на лавку. Янка сильно ударилась лбом и едва не отключилась. Первый удар привел ее в чувство, вырвав отчаянный крик. Потом на нее обрушился целый шквал боли, и она потеряла голос. Вцепившись в запястье руки зубами, Янка решила даже не стонать. Ей казалось, что в нее вбивают раскаленные гвозди. Когда стало выше сил, в голове помутилось. Сквозь нарастающий гул в голове, она услышала вскрик:

– Петя, опомнись!

И последним проблеском сознания поняла, что это Наталья.

* * *

После того, как Янка скрылась за дверью, Алексашка, не находя себе места, лихорадочно думал и прислушивался. Когда за дверью бухнули шаги, и послышался крик, он отчаянно рванулся в дверь, но она была заперта. И тут Меньшиков сообразил, что помочь может только Наталья. Не разбирая дороги, он бросился к ней. Ворвался в ее покои и кинулся ей в ноги:

– Спаси, матушка! Убьет он Янку!

Наталья ахнула и бросилась на выручку. Алексашка с разбега выбил дверь, и они оказались в комнате Петра.

* * *

Петр, тяжело дыша, гневно обернулся. Наталья глядела на брата, сурово сведя брови. Он не выдержал ее взгляда, отвел глаза, швырнул португепю на стол и, ни на кого не глядя, оттолкнув плечом Алексашку, стремительно вышел из комнаты. Алексашка затравленно вздрогнул и вышел следом. Наталья закрыла дверь и присела на колени рядом с лавкой,

на которой трупом лежала Янка. На лбу у нее красовался огромный синяк, начинающий уже становиться шишкой, губы были в крови. Наталья вышла, кликнула девок, и велела отнести Янку к себе. Когда Янку унесли, Наталья увидела в углу комнаты ее сумку и гитару. Она бережно взяла их и пошла к себе.

Янка лежала на лавке у окна в комнате Натальи без признаков жизни. Наталья положила ее вещи под лавку, выпроводила девок и закрыла дверь. Нужно было привести Янку в чувство. Наталья смочила кусок батиста в тазике с водой и, осторожно повернув к себе лицо Янки, отерла кровь с ее губ. Затем она осторожно приподняла на Янке олимпийку, крови не было. Наталья приподняла тельняшку и чуть не заплакала: вся спина Янки была в багровых полосах. Наталья достала из-за иконы деревянного масла и, смочив им другой лоскут, осторожно начала промокать Янке спину.

Янка застонала и пошевелилась. Наталья посмотрела ей в лицо. Янка открыла глаза. Наталья улыбнулась:

– Отживел, родимый! Ты лежи спокойно.

Янка еще плохо соображала, в голове была пульсирующая боль, сильно болел лоб, тело было как деревянное. Она с трудом повернула голову:

– Где я?

– У меня ты, Янка. Как отбила тебя у братца, так к себе и унесла.

– Значит, я был без сознания? – Янка, еще не чувствуя те-

ла, попыталась приподняться и, тут же вскрикнув от острой колючей боли, едва снова не потеряла сознание. Наталья осторожно уложила ее.

– Что ты, Янка! Лежи, а я тебя помажу, – она снова начала промокать ей спину. Янка терпела, но невольно мычала от боли.

– Терпи казак, атаманом будешь, – приговаривала Наталья. Янка повернула голову, и, скосив глаза, поглядела на нее.

– А откуда ты эту поговорку знаешь? – едва шевеля распухшими губами, спросила Янка.

– Она еще от разбойника Стеньки Разина.

Янка кивнула и снова отвернулась. Когда масло подсохло, Наталья опустила на Янке тельняшку и олимпийку.

– Ну, вот и все, – она встала и направилась к двери.

– Куда ты? – спросила Янка.

– Сейчас поесть тебе принесу, – улыбнулась Наталья и вышла. Янка вздохнула, глянула под лавку и улыбнулась: ее гитара и сумка были здесь. Протянув руку, Янка уцепила сумку за ляжку, расстегнула, достала аптечку. Отыскала таблетку анальгина и проглотила. Потом сунула все на место и посмотрела на часы, было уже за полдень. Сколько же я была без сознания, подумала она, наверно долго. Да, в наше время мне бы уже вскрытие сделали, а не только узнали, кто я. А тут даже не прикоснулись, она вздохнула, какие честные и порядочные люди. Окно, возле которого лежала Янка, было

открыто. С воли доносился щебет птиц, шелест листьев, ветерок прохладными струйками иногда врывается в комнату. Янка вдыхала его с удовольствием, ей даже стало легче. Она начала подумывать об отношениях с Петром. У нее вспыхнули уши, когда она вспомнила, как он ее наказал. Обидеться что ли? – подумала она. А обжаться-то на себя надо, такое ляпнула, еще дешево отделалась, могло быть и хуже. Вот только что могло быть хуже, Янка даже не представляла. Он же меня предупредил, а я не поверила. Ей даже смешно стало: это надо такому случиться – поцеловали впервые в прошлом и всыпали впервые тоже там. Можно было и не извиняться, все равно не помогло. Придурок, без зла подумала Янка. Потом она прогнала в голове все события, которые с ней случились в XVII веке. Кое-что она успела зафиксировать, записать и сфотографировать. Теперь надо собирать вещественный материал. Янка улыбнулась: а ведь здорово, можно столько всего набрать – целый музей откроешь!

Вошла Наталья, принесла кружку молока и пирог. Не очень удобно было есть, лежа на животе. Янка отдала Наталье кружку и благодарно улыбнулась:

– Спасибо, Наташа!

– На здоровье! – Наталья с кружкой в руках направилась к двери. – Не скучай, Янка, я скоро приду.

– Наташ, а можно мне встать?

– Вставай, коли сможешь, – усмехнулась она. – Вишь, ты, прыткий какой! – она засмеялась и вышла.

Янка попробовала подняться. Колючая боль снова проснулась. Янка упрямо стиснула зубы и сделала новую попытку отжаться на руках. От напряжения она даже вспотела. Боль была уже не такая сильная: анальгин подействовал. Однако тело еще плохо слушалось, руки задрожали, и Янка бессильно прижалась щекой к лавке.

– Нет, я встану, – упрямым шепотом сказала Янка, – передохну и встану.

За окном послышался шорох. Янка повернула голову и улыбнулась: там стояла Настя. Она тоже улыбнулась, потом оперлась руками о подоконник и спросила:

– Худо, господин? Наказали, да?

Янка покраснела, потом приподнялась на локте.

– А ты как догадалась, что я здесь? – спросила Янка.

– Так на конюшне такое было! Государь Александра Данилыча так побил! Так ругался, тебя тоже поминал и Наталью Алексеевну! Ну, я и пошла посмотреть, у нее ты, али нет.

– И Саньке досталось? – изумилась Янка. – Да-а, значит, послушался он и за меня попытался вступиться, – задумчиво произнесла Янка и вздохнула. – А я ему не поверил.

– Я думала, государь его убьет! – испуганно произнесла Настя. – Александр Данилыч еле уполз оттуда, весь в крови, ужаси!

– Надо будет его навестить. Я и к деду твоему зайти сегодня хотел, да вот не могу. Как он?

– Поправляется дедка! – оживилась Настя. – Все тебя поминает, – она вдруг что-то вспомнила. – А я тебе земляники собрала. Прими, Христа ради, – она поставила на подоконник глиняную миску с ягодами.

– Спасибо, Настя, – принимая у нее миску, сказала Янка. – Я к вам постараюсь зайти, вот оклемаюсь только маленько.

– Добрый ты, господин. – Настя растрогалась чуть не до слез.

– Не называй меня так, – попросила Янка. – Я никогда не был, да и, наверное, не буду господином. Не то у меня воспитание. Зови меня просто Янка.

– Ну, поправляйся, Янка! Прощай! – улыбнулась Настя и исчезла.

* * *

Петр маялся. Вернувшись в свою комнату и не обнаружив там Янки, он долго и отчаянно ходил из угла в угол и буквально бился головой о стену. Потом, немного придя в себя, побежал искать Наталью. Столкнулся с ней в коридоре, когда она шла на кухню за едой для Янки. Наталья сурово взглянула на него и хотела пройти мимо. Петр осмелился окликнуть ее:

– Наташа!

Она обернулась, подошла и вlepила ему оплеуху.

– Изверг! – подошла вплотную. Он, поникнув, стоял как провинившийся школьник, не смея взглянуть ей в глаза.

– Он...он жив? – наконец тихо спросил Петр.

– Слава Богу! – сурово произнесла Наталья. – Глянул бы, что с ним сделал! – и она пошла дальше. Петр с тоской посмотрел ей вслед.

В этот день он сорвал зло и на Алексашке. Как и обещал Петр, Алексашка был вторым в списке казнимых. И хотя досталось сильно, Меньшиков был рад, что спас Янку от долгой расправы. А Петр маялся...

* * *

Попрощавшись с Настей, Янка притянула к себе миску с ягодами. Они сладко пахли лесом, какими-то травами и были необыкновенно вкусные. Янка и не заметила, как миска опустела. Вздохнув, она поставила пустую миску на пол, и снова начала отжиматься на руках. На этот раз попытка увенчалась успехом. Янка встала на ноги, заправила в джинсы тельняшку, одернула олимпийку и потрогала лоб. В теле боли почти не осталось, она притупилась и походила на нытье в мышцах, а вот голова... Янка подошла к столу и посмотрелась в зеркало. Ну и видуха, подумала она, губы как трубы, на лбу фонарь в виде шишки и болит, гад. Янка поморщилась, дотронувшись до синяка. Потом поставила зеркало

на стол и увидела там среди всякой мелочи в виде гребня, платка и булавок, большую медную монету. Янка взяла ее и приложила ко лбу.

Потом осторожно села на лавку спиной к открытому окну. Чутким ухом уловила какое-то движение за окном. Слегка повернув голову, она скосила глаза и залилась краской: на подоконнике сидел Петр с низко опущенной головой. С минуту сидели молча, никто не решался заговорить первым. Наконец, решилась Янка.

– Прости меня, – тихо произнесла она, не поднимая глаз. Петр вздрогнул, быстро посмотрел на ее опущенные ресницы: не смеется ли. Он молча, удивленно, не мигая, глядел на Янку, потом переглотнул.

– Ты... Янка... – он смутился, но тряхнул головой. – Ты... это ты прости, не рассчитал я, – он снова тряхнул головой. – Чепуха, какая! Ведь не то говорю! – он с досадой сжал кулаки. Янка его поняла и тоже уселась на подоконник, глядя на него из-под монеты.

– В общем, виноваты мы оба, – подвела итог Янка. – Я в том, что не разъяснил тебе обстоятельства, а ты в том, что не разобрался.

Петр как-то не обратил внимания на ее слова. Он вскинул глаза, Янка протянула руку:

– Ну, мир, что ли? – она улыбнулась. Он крепко сжал ей ладонь и тоже улыбнулся.

– Я завтра в Переславль собрался, – вдруг сказал он. –

Поехали?

– А как же крепость? – спросила она.

– Без меня доделают. Ну, так как?

– Спрашиваешь! – Янка восторженно хлопнула себя по коленке. Потом положила монету на место и спросила:

– У тебя пятака не найдется, к шишке приложить?

– Пойдем, поищем! – засмеялся Петр.

Янка забрала свои вещи, и они вместе вылезли в окно.

* * *

– Алексашка-то как? – вдруг спросила Янка у Петра. Он быстро взглянул на нее.

– А ты откуда знаешь? – Петр удивленно поднял брови.

– От верблюда. Зачем ты его побил, Пит? – она вдруг серьезнела. Он покраснел.

– За тебя. За дерзость его, – раздраженно сказал он. – А вообще, наверное, из-за себя, такая досада была... – он дернул шеей. – Ладно, – он усмешливо посмотрел на нее. – Жив твой защитник, чего ему сделается.

Они дошли до комнаты Петра. Там Янка поставила свои вещи в угол.

– Я пойду, Саньку проведу. Да и к Наташе тоже надо зайти, спасибо сказать, – она остро глянула на него и вышла. Петр посмотрел ей вслед и покрутил головой.

* * *

Янка нашла комнату стольников. Открыла дверь, заглянула. Алексашка прикладывал к разбитому лицу мокрое полотенце и постанывал.

– Ёкорный бабай! – не сдержавшись, воскликнула Янка. – Вот это живопись!

Алексашка вздрогнул от неожиданности.

– А, это ты? Ох! – он опять приложил к лицу полотенце. – Как сам-то? Отошел? – сквозь полотенце спросил он Янку.

– Ты про меня или про Пита? – прищурившись, хитро спросила она.

– Ясное дело, про тебя! – чуть рассердился Алексашка.

– Как видишь! – усмехнулась она. – А ты меня видишь? – она подошла к нему. – Дай-ка посмотрю! – она сняла с его лица полотенце. – Да-а! Пит прям художник-авангардист! Малевич, блин! Конкретно тебя разукрасил! – она стала осторожно промокать ему ссадины, дуя, чтобы не было больно. – Из-за меня, да? – Янка сочувственно посмотрела в глаза Меньшикову. Он опустил голову и кивнул.

– Две оглобли об меня изломал! – вдруг сказал он. – Рожу разбил! Никогда еще мне так не доставалось! – Алексашка, еле улыбнувшись, рассмотрел Янку. – Да и ты, я вижу, тоже не совсем в порядке, – он указал на ее шишку и разбитые губы. Янка смутилась, покраснела.

– Спасибо тебе. Я ведь не поверил, что ты за меня вступишься. И за Наталью тоже спасибо, если бы вы не успели, я не знаю, что бы было, – она пожала руку растроганному Алексашке. – Про Переславль знаешь? – Янка сменила тему.

– Знаю. – Алексашка еще раз смочил полотенце в чашке с водой и приложил к лицу. – Вечером собираться будем, завтра поедем, – он положил полотенце на стол и, охнув, поднялся. Поморщившись, подержался за поясницу и посмотрел

рел на Янку.

– Ничего, до свадьбы заживет! Верно, Янка?

– Верно! Ладно, я пойду до Наташи пройдуся, а то убежал и даже не простился. Пока! – Янка махнула Алексахке рукой и скрылась за дверью.

* * *

Янка постучала в дверь к Наталье. Приоткрыла.

– Наташа!

Наталья, сидевшая за пядьцами подняла глаза, улыбнулась:

– Заходи, Янка!

– Ты извини, что ушел и нечего тебе не сказал, – виновато сказала Янка, – я пришел тебе спасибо сказать. – Янка подошла к Наталье и взяла ее за руки.

– Ну, что ты, – смутилась та. Янка вдруг порывисто обняла Наталью и поцеловала в щеку.

– Я тебя очень-очень люблю, Наташа! – прошептала она и счастливо улыбнулась.

– Ты только с братцем моим поосторожнее будь, – предупредила Наталья. – Видишь, какой у него нрав, прямо бешеный!

– Хотелось бы пообещать, да, боюсь, не получится, – виновато улыбнулась Янка и отстегнула от олимпийки значок виде маленькой капельки крови. – Этот значок у нас дают

тем, кто сдает свою кровь, чтобы помочь больным людям. Ты спасла мне жизнь, и я хочу подарить его тебе.

– Спасибо, Янка! – Наталья бережно взяла значок и поцеловала Янку. – Будь осторожен в Переславле, да и за братцем там последи, чтобы берег себя, – напутственно по-матерински сказала Наталья.

– О'кей! – согласилась Янка. – А за меня не беспокойся, – она вздохнула, потом весело посмотрела на Наталью. – Чувствую, эта порка не последняя! – она засмеялась и пошла к двери. – Пока, Наташа!

– Благослови Бог! – перекрестила ее вслед Наталья.

* * *

Вечером Янка помогала Петру упаковывать вещи для экспедиции в Переславль. Алексашка, отлежавшись, тоже участвовал, только прикалывался над янкиной шишкой.

– Пит, у тебя там третьей оглобли случайно нет? – выйдя из терпения, спросила Янка Петра, который упаковывал чертежи в свой сундучок. Он вопросительно посмотрел на нее, не понимая.

– Ты про что, Янка?

– Да вот я думаю, приложить печать на Санькин лоб. А оглоблей было бы в самый раз! – она, прищурившись, угрожающе сдвинула брови. Петр засмеялся, а Алексашка покраснел как помидор.

Чуть позже Петр собрал консилиум из вернувшихся с выходящих стольников. Распределил обязанности по постройке крепости и написал список всех отъезжающих в Переславль. И около полуночи все только разошлись спать.

* * *

Ночью кто-то поджег сарай, в котором стояла машина. Поджег был совершен через слуховое окошко, ведь сарай был каменный. Пожар заметили только утром, когда пламя вырвалось наружу. Потушили быстро, но машина сгорела дотла. Петр приказал вывести всех дворовых и привязать к двум дубам по веревке. Янка, проснувшись от запаха дыма, безмолвно смотрела на остатки машины. Петр был в ярости, он сверлил людей взглядом.

– Я помилую того, кто укажет мне на злодея! – срывая голос, бешено крикнул он. Люди стояли, хмуро глядя под ноги. Янка, выйдя из оцепенения, посмотрела на молчащую толпу. Потом на веревки, но еще не поняла, чего хочет Петр.

– Последний раз спрашиваю, кто?! – снова крикнул Петр. Опять тяжелое молчание. Он дернул головой:

– Повешу каждого второго! – жестко сказал он и махнул рукой стрельцам. – Давай!

Те выхватили из толпы мужика и, заломив ему руки, поволокли к дубу. У Янки расширились глаза, она, наконец, поняла, в чем дело. Вдруг...

– Тятка! – раздался пронзительный крик. Из толпы бежала плачущая Настя. Ее отшвырнули.

– Тятенька, миленький! – кричала она. Янка бросилась к Петру, схватила его за рукав.

– Постой! Останови, слышишь?!

Он дернул головой в ее сторону, но запрещающе поднял руку. Стрельцы остановились.

– Помнишь, за мою услугу обещал ты мне как другу, волю первую мою ты исполнишь как свою? – скороговоркой выпалила она неожиданно стихами. Петр удивленно кивнул.

– Позволь мне поговорить с людьми! – у Янки от волнения прыгали зрачки. – Держу пари, мне они скажут то, чего не скажут тебе даже под гипнозом.

– Ты так думаешь? – недоверчиво посмотрел на нее Петр. – Ну, что ж, добро! – согласился он и крикнул стрельцам. – Отпустите холопа!

Те повиновались.

– И еще, – быстро сказала Янка, – подари мне человек пять из дворни.

Петр усмехнулся, внимательно посмотрел на Янку. Потом обернулся и крикнул:

– Пиши указ!

Какой-то бородатый дядька схватился за перо и чернильницу. Петр подошел к нему:

– Моим именем! Подарить пять душ сему Янке... Ты чей?

– Иванов, – быстро придумала Янка.

– Янке, сыну Иванову... – продиктовал Петр и задумался.

– И предоставить свободу выбора! – подсказала Янка.

Петр усмехнулся, кивнул:

– Так и пиши!

Потом подписал указ и отдал его Янке:

– Держи! – посмотрел на толпу, зло оскалился и – опять Янке. – Ну, мешать не будем! Говори с ними.

– Не спеши, Пит, – в полголоса сказала она. – Сделай вид, что уходишь, а сам где-нибудь прикинься ветошью и не отсвечивай. Мне кажется, разгадка этого пожара близка, – она таинственно посмотрела на него. Он перехватил ее взгляд, согласно кивнул и, уходя, покрутил головой:

– Ну и выражения у тебя, Янка!

По знаку Петра ушли стрельцы и стольники, а он сделал то, что посоветовала ему Янка. Ушел будто ты во дворец, а сам прошел через черный ход и незаметно оказался позади толпы.

Возле Янки остался лишь писарь, которому никто ничего не сказал, и он на всякий случай остался. Янка подошла к людям. Они молча, удивленно смотрели на нее.

– Товарищи! – сказала Янка, почему-то вспомнив про революцию. По толпе прошло движение, а она продолжала:

– Конечно, нехорошо получилось. Но я верю, что вы, скорее всего тут ни при чем. Я не желаю вашей гибели или причинить кому-нибудь из вас боль и страдания. Вам этого и так хватает по жизни, поэтому я не буду требовать от вас прав-

ды. Возможно, вы и не видели ничего, ведь была ночь. Поэтому извините за беспокойство, – она печально вздохнула и посмотрела на толпу. Люди не расходились, видимо, не понимая ее. Потом один мужик осмелился спросить:

– Так что же, ты нас отпускаешь?

– А чего с вас толку? – пожала плечами Янка. – Вы же все равно ничего не знаете. Хотя, конечно, жаль, – она снова вздохнула. – Можете идти.

– Постой-ка, – остановил ее мужик. – А что мужики, кто-нибудь можа и видел чего, а? – обратился он к толпе. – По-можем парнишке, ведь он тожа ту диковину строил вместе с царем, все жа видали!

– Раскольники это! – послышался в толпе юношеский голос. Все расступились, и из толпы вышел парень лет семнадцати, светловолосый, с честным, бесстрашным взглядом.

– Что ты видел? – спросила его Янка. Петр едва не выдал себя, высунувшись из пункта своего наблюдения чуть не целиком, но вовремя опомнился.

– А то и видел. Как уснули все – начал рассказ парень, – я как раз коней чистить закончил и в камору пошел. Вдруг вижу, от конюшни человек крадется, не наш, я наших всех знаю. Я, значит, за угол спрятался, а он к сараю тому с диковиной. Покрутился немного и уходит. Я за ним, а он как сквозь землю провалился. Я обошел вокруг – вроде никого и в сарае все путем. Ну, успокоился я, и спать пошел. А как светать начало, я от шороха какого-то проснулся. Гляжу,

тот человек, что ночью приходил. В раскольничьей рубахе он был, а в руке не то кизяк, не то, еще чего держал, не разобрал я. А в другой руке тлеющую головню я увидал. Он, значит, этот кизяк подпалил да в окошко и кинул. Потом как припустится к лесу и все бормочет: «анафема, анафема!». А в сарае, будто опять тихо. Только немного погодя я сообразил да дядьку Игната разбудил, а уж поздно было, – он вздохнул и посмотрел на Янку. – Прости, господин.

– За что? – не поняла Янка.

– За то, что забоялись правду сказать государю.

– Ладно, Бог простит, – улыбнулась Янка. – Спасибо всем, вы свободны, можете идти.

Все разом закланялись, некоторые женщины всхлипывали, крестились. К Янке подошла Настя. Лицо залито слезами. Кинулась в ноги:

– Господин! Миленький! Родненький! – она пыталась обнять Янке ноги.

– Что ты, Настя! – Янка подняла ее, обняла за вздрагивающие плечи. Подошел отец Насти, а за ним два паренька: один лет четырнадцати, а другой – восемнадцати, приковылял и дедушка. Все они в пояс поклонились Янке, а она глазами сосчитала их и подошла к писарю.

– Пиши, царевым именем!

Тот удивленно взглянул на нее, но не посмел перечить, он увидел у дворовых за спиной царя, стоящего в дверях черного хода и согласно кивающего.

– Дать вечную свободу крестьянам Настасье, – начала диктовать Янка, потом глянула на ее отца. – Как зовут?

– Егор, – растерянно сказал тот.

– Егору, – продиктовала Янка и повернулась к ребятам.

– Иван и Михаил, – поспешно ответил старший.

– Ивану, Михаилу, – продолжала диктовать Янка и взглянула на дедушку. Он растерялся.

– Федор его зовут, – подсказала Настя.

– И Федору. Он всех податей и прочих повинностей и разорений быть им и роду их отныне свободными, – она немного подумала. – А фамилия ваша как?

– Так дворовые мы, какая тут фамилия? – развел руками Егор.

– Пиши, – обратилась к писарю Янка. – И присвоить им с сего дня фамилию... Янковы. Нет, как-то не красиво, – она опять задумалась и нахмурилась.

– Может, Янковские? – слышалось рядом. Янка вскинула глаза, Петр подошел, улыбнулся. – Так лучше, а Янка?

Она вдруг вздрогнула и быстро посмотрела на него, но потом взяла себя в руки.

– Супер! Именно Янковские! Записал? – она повернулась к писарю и взяла у него листок. Посмотрела на витиеватый почерк и протянула лист Петру. – Подпиши!

– Изрядно, Янка! – восхищенно сказал Петр и подписал грамоту. – Держи! – усмехнулся. – Жду тебя, поторопись, скоро поедем! – и стремительно ушел во дворец. Янка сунула

грамоту в руки удивленного отца Насти:

– Вот ваша свобода! – сказала она.

– Благодарствую, господин! – пробормотал Егор и поклонился. Янка пошарила в кармане.

– Вот, возьмите на первое время, – она вложила в ладонь Насти серебряный рубль, который ей дала Наталья. – Будьте здоровы! Прощайте! – она поцеловала Настю в щеку и помахала рукой ее семье. Потом, не оглядываясь, пошла на пепелище машины.

* * *

После интенсивных поисков среди пепла и обгоревшего дерева она раскопала динамо-машину и мотор. Они были целы, только проводки, соединяющие их, оплавилась. Янка очистила их, положила на траву и отряхнулась. Потом с мотором и динамой в руках пошла к Петру. Столкнулась с ним на лестнице, они с Алексашкой тащили сундучок с инструментами. За ними слуги несли еще какое-то барахло. У крыльца уже стояли готовые в дорогу кареты, на которые грузили вещи.

– Ну, наконец-то, – увидел ее Петр. – Чего долго так, благодетель, а? – он подмигнул Янке.

– Я динаму и мотор нашел, – похвалилась Янка. – Мы их тоже заберем, ладно, Пит?

– Тащи к карете, там положи куда-нибудь, – согласился

Петр. Они с Алексашкой водрузили сундучок на карету, и Петр велел привязать его вместе с янкиными железяками.

– Ой! – вспомнила Янка. – Я же свои вещи не взял! – и она кинулась было во дворец.

– Постой, сорванец! – окликнул ее Меньшиков. Янка обернулась.

– Я о тебе помню, – засмеялся Алексашка и вытащил из кареты холщевый мешок с двумя лямками, отдаленно напоминающий современный рюкзак. Из мешка торчал гриф гитары. Янка подлетела к Алексашке.

– Саня, ты просто гений! Спасибо! – Янка вырвала у него мешок и заглянула внутрь. Там прекрасно уместились и сумка и гитара. Это было намного удобнее, чем носить их по отдельности. Через полчаса переславльская экспедиция была готова.

* * *

– Ну, что скажешь, Пит? – спросила Янка, когда отъехали от дворца.

– Ты насчет поджога? – догадался Петр. Янка кивнула.

– Ну, что, написал Ромодановскому, пусть приедет, разберется. А ловко у тебя получилось, Янка! – похвалил ее Петр. – И как тебе только удалось?

– Что, расколоть твоих холопов? – Янка усмехнулась. – Это элементарно, Пит. В этом вся прелесть дипломатии. С

ее помощью, если умеешь, можно даже международный конфликт разрешить, не то, что информацию вытащить. При чем, заметь, даже не повысив голоса!

– Ты только не очень задавайся! – предупредил Петр. – Я этого не люблю, – добавил он строго и вдруг спросил. – А чего это ты так испугался, когда я фамилию тебе подсказал? – он дернул бровью и внимательно посмотрел на Янку.

– Тебе показалось. – Янка смутилась и покраснела.

– Ну, краснеешь ведь, значит, врешь! – он толкнул ее локтем. – Говори, не бойся!

– Дело в том, что у моего деда такая фамилия. Вот я и подумал, а что, если эти люди мои предки. Знаешь, как зацепило! – она посмотрела на него.

– Представляю, – кивнул Петр.

Алексашка кимарил, сидя напротив. Вскоре и Янка укачалась и заснула, свернувшись в клубок, и положив голову на колени Петру. Он долго улыбался, глядя на спящую Янку, а потом в полголоса сказал проснувшемуся Алексашке:

– Да будет так! – он кивнул на Янку. – В дороге велю спать, а как на место прибудем, работать более, – и он провел ладонью по нечесаным вихрам Янки.

* * *

На следующий день карета остановилась у деревянного дворца. Правда, это было только название, внешне он на-

поминал высокий одноэтажный терем с различными хозяйственными постройками около. Петр вышел из кареты, разминая ноги. Протирая глаза, жмурясь от солнца, вылез Алексашка. Янка вылезла последней с заплечным мешком за спиной. Почесав уже давно немытую прическу пятерней, она надела бейсболку и огляделась. Вокруг дворца росло множество деревьев, прямо лес. Было полное ощущение, что дворец находится на необитаемом острове. И только приглядевшись получше, сквозь деревья, в низине были видны домики какой-то деревушки. От дворца вела тропинка, и за плотными рядами деревьев поблескивало озеро.

Из дворца выскочила проворная челядь и, махнув царю поклон, начала быстро разбирать вещи с экипажей. Петр и Алексашка вытащили только самое необходимое.

* * *

Янка схватила мотор и динамо-машину и пошла с ними во дворец. Интуиция помогла ей найти кабинет Петра. Посередине небольшой комнаты стоял стол, рядом лавки. Дальше стеллажи с какими-то инструментами, книгами. Ближе к окну был приспособлен верстак, на нем недоделанная модель корабля и столярные инструменты.

Янка примостила на верстаке мотор и динаму и очистила их от копоти. Потом оглядела комнату и подошла к иконе. Пошарила за ней и достала пузырек с желтоватой жидко-

стью. Понюхав, поняла, что это такое. Деревянное масло, подумала Янка, очень кстати. Она смазала маслом все до щелочки в динаме и моторе. Едва успела положить его на место, как вошел Петр. Они с Алексашкой перли тот самый сундучок. Увидев, что Янка полезла за икону, Петр слегка нахмурился. Поставили сундучок. Петр выпроводил Алексашку, сел на сундук и, строго глядя на смущенную Янку, позвал:

– А ну, поди сюда!

Янка нехотя подошла. Он поставил ее между колен и, зажав ими, заглянул в глаза.

– Ты чего там забыл? – он кивнул на икону. Янка покраснела как рак, чувствуя неприятности.

– Ну? – пытливо спросил Петр.

– Я мотор смазал, – пробормотала она, отведя глаза. – Ты меня накажешь? – она с тоской посмотрела на него.

– Нет, наказывать не стану, вижу, раскаялся, – уже мягче сказал Петр и строго добавил. – Но впредь без спросу никуда не лазь, не то... сам знаешь, – и отпустил ее. Будто на собрании проработали, подумала Янка. Да, воспитатель он еще тот, хлебну еще с ним, вот зануда!

* * *

Через некоторое время, спросив на все что можно разрешения у Петра, Янка уже паяла мотор с динамой, раздобыв на верстаке моток медной проволоки. А чуть позже, уже без

разрешения слиняла на озеро. Там она приделала к одной из лодок мотор, и получился катер. Янка сделала из куска жести руль и подвела его к пропеллеру, который склепала из разных железных обрезков, валявшихся на верстаке и медных заклепок. Молотка у Янки не было, и она использовала булыжник, который нашла тут же на берегу. Из-за деревьев появился Иевлев. Остановился и, прищурившись, поглядел на Янку.

– Так вот ты где!

– А, Сильвестр! Привет! Уже прибыли? – весело сказала Янка, покачиваясь в лодке и подгоняя руль.

– А государь тебя ищет, грозит голову оторвать, – сказал Иевлев и с любопытством подошел к лодке. – Слышь, али нет?

– Да ты что? – смехом ахнула Янка. – И за что же? – она обернулась к Иевлеву.

– За то, что без спросу ушел, – пояснил тот.

Янка пропустила его слова мимо ушей. Она еще покачалась в лодке, проверила ходкость.

– Хорошая шлюпка! Хочешь, прокачу?

– Без вёсел-то? Как же она пойдет? – недоверчиво усмехнулся Сильвестр.

Тут из-за деревьев послышался звучный голос Петра.

– Ну, как поймаю! Ну, погоди, пострел!

Янка громко хохотнула, свистнула и дернула за втяжной рычаг. Динама завелась, мотор взревел, лодка дернулась и, оставив пенный след, торпедой понеслась по озеру. Петр недоуменно застыл рядом с удивленным Иевлевым.

Сделав крюк, Янка повернула руль, и лодка понеслась назад. За несколько метров от берега Янка выключила динаму, но лодка с разгона зарылась носом в берег. На нем уже стояла вся команда Петра. Все это время они следили за несущейся в пене лодкой.

– Ну, как, клево? – весело спросила Янка, перемахнув через борт лодки и подбежав к Петру. Он восторженно сжал ей плечи и так крепко поцеловал в губы, что у нее закружилась голова, но на этот раз она не покраснела. А Петр от восхищения даже не мог ничего сказать, он еще раз горячо поцеловал Янку. Она сконфузилась. Все рассмеялись.

На этот раз Петр даже не спросил, чего хочет Янка, расщедрился и подарил ей свой кафтан, который доходил ей до пят, треуголку, которая сползала на глаза, и уж совсем щедро со стороны Петра – кошелек с золотыми (потрясение для Янки, читавшей о его скупости). А вечером на совете, который собрался в его кабинете, Петр торжественно вручил ей свою шпагу, которая оказалась впору Янке (Петру подарили ее, когда ему было двенадцать лет) и пояс к ней. Это было посвящение в юнги. Янка, читавшая много раз об этой церемонии, встала на одно колено, поцеловала эфес и вложила шпагу в ножны. С того дня она с ней почти не расставалась.

* * *

Поздно вечером, когда уже все заснули, Янка незаметно смоталась на озеро. Заховавшись в зарослях, она тщательно отмывалась после почти недельного пребывания в XVII веке. Янка не учла только одного, не она одна бодрствовала. Алексашка тоже долго не мог заснуть и вышел подышать. Было тихо. Он проверил караулы и решил прогуляться вдоль берега озера. Недалеко в камышах он уловил какое-то движение. Тихо подкравшись, Алексашка раздвинул осоку и увидел смутный в темноте силуэт, похожий на фигурку девушки. Он присмотрелся, не разобрать. Алексашка перекрестился. Наверно русалка, подумал он и быстро тихо ушел.

Янка ничего не заметила, она была уверена, что никто ее не увидит. Она тщательно вымылась при помощи куска мыла, захваченного в поход. Потом, одевшись, немного прогулялась по берегу, пока не высохла одежда и пошла во дворец.

* * *

Итак, началась жизнь на переславльской верфи, где на озере строили корабли. Жизнь эта была похожа на армейскую. Каждый день с утра пораньше пела труба, и все, от рабочего до самого главного инженера спешили на сбор. Опоз-

давшим доставалось в зависимости от ранга: кому батоги, кому ругань из уст самого царя. Потом Петр раздавал распоряжения, и когда все рабочие расходились по местам, собирал совет из инженеров, корабельных мастеров и стольников. Потом гонялся по кораблю, следил за работой или тоже работал где-нибудь в трюме. Стольники усердствовали перед ним, а когда он не видел, просто баловались и зубоскалили. У Янки тоже было дело, она взяла ванты морскими узлами, которым научил ее корабельный мастер и кузнец из Голландии Гаррит Кист. А так же между делом Янка не забывала фотографировать самое интересное. Работа начиналась в пять утра, потом был послеобеденный отдых и, затем продолжалась до заката. А по вечерам Янка собирала всех стольников вместе с Петром у костра и начинала что-нибудь рассказывать или петь. Ну, а когда уж очень уставали, то расползались спать сразу.

* * *

Утром Янке ужасно не хотелось вставать, особенно после тяжелого дня накануне. Недалеко пела труба, Янка с трудом открыла глаза и удивилась: она спала в стоге сена прямо возле конюшни. Потом зевнула и прислушалась: со всех сторон слышался топот, голоса. Во дворце тоже хлопала дверь. Вот общество придурков, подумала Янка сквозь сон, хоть в лепешку расшибитесь, ни за что не встану. И она поглубже за-

рылась в сено. Сквозь сон она уже слышала стук топоров на озере. Вдруг:

– Здесь он, мин херц! – раздалось рядом.

Сердитый голос Петра приказал Янке вылезать. Янка недовольно высунулась из сена. Перед ней стояли Петр и Меньшиков. Не увидев Янку на построении, Петр очень рассердился и пошел ее искать. А Меньшиков обнаружил Янку по эфесу шпаги, который предательски торчал из сена.

– Ну, чего? – сонно спросила Янка.

– Иди сюда! – приказал Петр, едва сдерживая гнев. Янка нехотя вылезла из стога и отряхнулась. Петр, молча сделал Алексашке знак, и тот ушел. Янка окончательно проснулась и вопросительно посмотрела на Петра.

– Ответь мне, юнга, – сдержанно начал Петр. – Ты сигнал слышал?

– Какой сигнал? – не поняла Янка.

– Сиречь трубу! – пояснил Петр, сдвинув брови.

– Ну, слышал.

– А что общий сбор по сигналу знаешь?

У Янки упало сердце: совсем из головы вон! Вот незадача!

– Знаешь?! – уже яростнее повторил Петр.

– Я забыл, – тихо пробормотала Янка, опустив глаза.

– А что за сие бывает, тоже забыл?! – загремел на нее Петр. Он был взбешен, и от этого никак не мог отстегнуть от пояса линек (это такая неприятная штука, похожая на обренок каната с узлом на конце). Янка уловила это движение его

руки и схватила за шпагу. Он побелел:

– Ты что?!

– А ты?!

– Я не шучу!

– Я тоже! – она выставила вперед шпагу и тоже побледнела. – Брось! – велела она Петру, указав на линек. Он повиновался и отошел, возмущенно недоумевая. Она, не сводя с него глаз и шпаги, ногой отбросила линек подальше.

– А теперь я хочу тебе сказать, – глуховато начала Янка, – я впервые забыл о сборе, потому что устал как черт. А ты? Я ведь первый раз... – она укоризненно посмотрела на уже остывшего Петра, вложила шпагу в ножны и ушла на верфь.

* * *

Весь день она усердно работала под присмотром Киста, но стоило Петру посмотреть в ее сторону, она показывала ему язык и сердито отворачивалась. Ему становилось неловко. Вечером она не пришла к костру, возле которого уже все собрались, и Петр пошел ее искать. Нашел ее на берегу озера. Янка стояла и пускала блинчики по воде. Он подошел, она не прореагировала. В нем начало вскипать бешенство, но он сдержался.

– Янка, ну чего ты, пошли.

– Не хочу, – в голосе ее слышалась обида.

– Ну, хочешь, прощения попрошу? – в отчаянье брякнул

Петр, ему очень хотелось помириться с Янкой, но как, он не знал. Она усмехнулась:

– Ты что мне одолжение делаешь?

Он засопел и вдруг крикнул:

– Долго ты мне жилы мотать будешь?! – и в отчаянье сел на песок, уткнувшись лбом в колени. Янка присела рядом, он всхлипнул. Она потрясла его за плечо:

– Э, Пит, ты чего?

Он дернул плечом. Ей стало даже смешно. Она снова потрясла его:

– Да ты что, реवेशь, что ли? – Янка фыркнула от смеха. – Вот это номер, царя до слез довел! Просто сенсация! Ты че, серьезно? Да успокойся ты! Я уже не сержусь! Ну?!

Он поднял голову, мокрыми глазами взглянул на нее:

– Ты, ... правда? – он шмыгнул носом.

– Правда, правда. Ты только утрись, перед ребятами неудобно. Эх, никак мы друг друга не пойдем. Пошли, – она вздохнула, и они пошли к костру.

* * *

Усевшись у костра, Янка начала рассказывать сказку о Мальчише Кибальчише, которую в глубоком детстве ей читала бабушка. Ребята притихли и внимательно слушали, переживали. Петр хмурился.

– И тогда Главный Буржуин сказал: «Подите, буржуины,

и погубите этого Мальчиша!» – Янка сделала паузу, и на несколько секунд воцарилась тишина. Было только слышно, как потрескивает костер да в траве сверчат кузнечики. Янка обвела взглядом напряженные внимательные лица ребят и продолжала:

– И погиб Мальчиш Кибальчиш... Но так же как громы загремели боевые орудия. Также как ветры ворвались конные отряды, и также как тучи понеслись красные знамена. Это наступала Красная Армия. И в страхе бежал Главный Буржуин, громко проклиная ту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной военной тайной, – торжественно шпарила наизусть Янка. – А Мальчиша Кибальчиша схоронили на зеленом бугре у Синей реки, и поставили над могилой большой красный флаг, – она замолчала и оглядела притихших слушателей.

– Здорово! – сказал, наконец, Меньшиков. – Такой малой, а за родину смерть принял!

– Да, ерой! – согласился Иевлев.

– Однако, сие сказка, – вздохнул Петр. – Хоть и конец печальный, – он подбросил в огонь сухой травы. Янка все равно была довольна, что сказка произвела впечатление. Но тут лицо ее омрачилось, и она вздохнула.

– Ты чего? – спросил ее Воронин. – Еще бы чего рассказал.

– Я вот здесь, – в раздумье сказала Янка. – А у меня там уже всероссийский розыск наверно объявили. Прикиньте,

пошел человек в поход и как сквозь землю провалился. Теперь предков с симпозиума выдернут. Ой, чего будет, когда вернусь! – Янка pokrутила головой и свистнула. Все сочувственно посмотрели на нее, хотя поняли мало, за исключением Петра. Он усмехнулся:

– Что, выпорют?

– Это твой метод, – возразила Янка. – Меня родители пальцем никогда не трогали. Хотя, лучше бы это, чем выслушивать разные нотации и воспитательные лекции, – она махнула рукой. – Ничего, как-нибудь выкручусь.

– Ты герой, – засмеялся Петр, и сказал, обращаясь к ребятам. – Иевлев и Воронин проверить караулы, остальные – спать!

И все пошли во дворец.

* * *

На другой день Янка как штык была на сборе. Потом смотрела, как спускают на воду новенький корабль, а затем, когда поставили мачты и закрепили реи, помогала ставить паруса и ванты.

Чуть ближе к вечеру Петр решил отправиться на этом корабле по озеру, чтобы проверить его в деле. А следить за работами на верфи оставил Ромодановского, который прибыл из Преображенского вместе с дядюшкой Петра Львом Кирилловичем (они привезли поклон от царицы) и двух кора-

бельных мастеров голландцев.

Новенький двухмачтовый корабль под названием «Марс» предстояло подвергнуть испытанию. Собрав стольников и матросов, Петр велел отдать концы и отправился в плавание. Янке нравилось все: и огромное озеро, и новый корабль. Конечно, это судно было еще не очень большое, чуть больше прогулочного катера, но зато настоящее.

* * *

Петр стоял у штурвала, расставив ноги и сжав поручни. Ветер трепал его темные кудри и раздувал полотняную рубашку. Янка, облазив весь корабль, подошла к нему.

– Почто без дела? – спросил ее Петр.

– Я все сделал, – не сморгнув, соврала Янка. – Дай поручить. – попросила она.

– На, – согласился Петр и уступил ей место у штурвала. – Держи курс по компасу норд-норд-вест. – сказал Петр и указал на компас, привинченный рядом. Янка кивнула и взялась за штурвал. Петр прошелся по палубе, потянулся и ушел в кубрик. Корабль шел плавно, почти без качки. Вскоре Янке стало одиноко и скучно. Вдруг откуда-то сверху спрыгнул Яким.

– Ты, Янка? – удивился он, вытирая руки о штаны. – На посту рулевого?

– Ну, я, – важно ответила Янка, сделав вид, что напряжен-

но следит за компасом.

– А коли, паруса заполощешь? – начал приставать Яким. – Ведаешь, что будет?

– Догадываюсь, – усмехнувшись, коротко ответила Янка. – Иди себе, не мешай. Завидуешь, завидуй молча!

– Вот еще! – возразил Яким, прохаживаясь по палубе возле нее. – Просто упреждаю, чтобы под линек не попасть.

– Забота! – проворчала Янка, переложив штурвал по курсу. – Шел бы да делом занимался!

– Ты-то деловой! – начал задираться Яким.

– Уйди по-хорошему, Яким, а то пожалеешь! – предупредила Янка, не спуская глаз с компаса, хотя уже практически не видела стрелки от вскипавшей злости. А он подтрунивал над ней:

– Ой-ёй, напужал! Да я сильнее тебя, мне уже скоро шестнадцать! А тебя индюк соплей перешибет! – Яким раззадорился, озорство светилось в его зеленоватых глазах.

– А вот это уже оскорбление! – сквозь зубы процедила Янка, последними усилиями сдерживаясь, чтобы не бросить штурвал. На палубе появился Иевлев, подошел к Янке.

– Устал, Янка? Давай сменю, – он занял ее место. Она облегченно вздохнула, бешено оглядела палубу, подбежала к Воронину, сидевшему на рулоне каната, и вцепилась в него.

– Щас я тебе такого индюка покажу!

– Пусти! – Яким оторвал ее от себя и поднялся. – Подумаешь, уг и пошутить нельзя! – он усмехнулся и хотел было

уйти. Но от Янки это было не так-то просто. Она резко развернула его к себе и приемом самбо кинула через бедро.

– Это тебе за индюка! – выдохнула она.

– Ах, так! – взвинулся Яким и вцепился в Янку. Она опять кинула его через бедро. Он рухнул в моток канатов, которые были сложены у борта.

– А это тебе за меня! – сказала Янка, удовлетворенно глядя, как Яким выбирается из канатов. Он уже разозлился и кинулся в драку. Они свалились в угол между бочками. Янка оказалась проворнее Якима и, вывернувшись, уселась на него верхом.

– Проси прощения, хвастун! – бешено выдохнула она, покраснев.

На палубу вышел Петр, заметил какую-то возню за бочками и с интересом пошел посмотреть. Опять Янка дерется только теперь с Якимом. Петр гневно крякнул, вытащил Янку за шиворот, потрянул и поставил на ноги.

– Как о стену горохом! – выдохнул он. – Быстро в каюту! – велел Янке и шлепнул ее. Она недовольно сопя, молча пошла в каюту. Петр кинул сердитый взгляд на Якима и погрозил ему кулаком. Тот быстренько испарился, чтобы не попасть под горячую руку. Петр еще огляделся, кивнул Иевлеву, стоящему у руля и пошел в каюту.

Янка, надувшись сидела на лавке. Петр вошел, прищурился.

– Вот объясни мне, может, я не понимаю чего, – без гнева, даже как-то спокойно заговорил он, – почему ты постоянно лезешь на рожон, задираешься? Это у тебя дома так принято, да?

Янка хмуро посмотрела на него, отвернулась.

– Нет, – тихо сказала она. – Просто я не люблю, когда меня достают! – она решительно взглянула на него. – Ну что, мне ложиться или может в угол встать? – она покраснела, кусая губы. Он усмехнулся, подсел рядом, обнял ее за плечо.

– Ты удивительный, странный и непонятный мне человек, – тихо сказал Петр. – Я никогда не встречал таких. Я не буду тебя наказывать, ты... – он вдруг взъерошил ей волосы и посмотрел в глаза. – Вот кабы не твой характер да не штаны, ты как девчонка, вон глазищи-то какие. Любая поза-видует.

– Да иди ты! – Янка грубо вырвалась. – Хватит мне лапшу на уши вешать! Без девчонки своей уже соскучился?

Петр несильно дал ей подзатыльник, строго погрозил пальцем.

– А вот о ней говорить не смей! Остынь лучше! – велел он, и подсев к столу, начал писать письмо. Янка вздохнула,

немного успокоилась и вдруг почувствовала себя утомленной. Она растянулась на лавке и задремала. Петр окончил писать письмо, обернулся, увидел: Янка спит. Он усмехнулся, подсел рядом и погладил Янку по волосам. Нет, не девчачий характер, слишком смелый, подумал он, тихо поднялся и вышел.

* * *

На палубе он подошел к Иевлеву.

– Ну, как, не сбились с курса?

– Точно идем, – ответил тот. – Молодец, Янка, ни на градус не сошел! А где он, государь?

– Умаялся, спит, – усмехнулся Петр. – А как с Якимом сцепился, видал?

– Видал, да только Яким сам виноват, он Янку еще у руля задирает. Кабы меня так, я бы тоже с ним побился!

– Вон как! – нахмурился Петр. – Яким стало быть зачинщик! – и крикнул. – Данылыч!

Меньшиков через секунду возник перед ним.

– А ну, смени Сильвестра! – и когда приказ был выполнен, Петр велел. – Сильвестр, ну-ка Якима ко мне! – а сам встал у борта.

Воронин торопливо подошел.

– Звал, государь?

– Звал, – не глядя на него, ответил Петр и велел. – А ну, сказывай, как было!

Яким посерел, и тускло сказал:

– Так я же пошутил, а он...

– Шутил?! – гневно оборвал его Петр, весь повернувшись к нему и сверля Якима взглядом. – С парусами шутил?! А ты ведал, что бы было, коли заполоскал Янка паруса?! Ведал?! – бешено вцепился он в Якима.

– Ведал, – совсем позеленев от страха, пробормотал Яким, дрожа как лист.

– Стало быть, под линек мальчишку, тать! – Петр врезал Якиму по челюсти, тот упал. А когда поднялся, Петр, не глядя на него, глухо сказал. – Прочь с глаз моих! – и крикнул. – Чтоб я тебя не видел! – топнул ногой. Яким исчез.

Петр еще постоял у борта, пока не прошло бешенство, потом подошел к Меньшикову.

– Данилыч, с берега дашь ему письмо к Гордону, да пригрози, чтоб доставил! – зло оскалился. – Видеть его не могу! Понял?

– Сделаю, мин херц. – спокойно кивнул Алексашка, продолжая следить за компасом. Петр хлопнул его по плечу и

пошел в каюту.

* * *

На закате корабль бросил якорь возле какого-то монастыря. Янка проснулась и, выслушав несколько наставлений от Петра, касаясь поведения, отправилась со всеми на берег. На нем уже стояла делегация монахов во главе с патриархом. Все они в пояс поклонились подошедшему Петру.

– Здрав будь во веки веков государь, надежда наша, – сказал патриарх. Петр поцеловал ему руку и тоже поклонился.

– Здравствуй, святой отец, – смиренно ответил он, – не оставь в ночи, прими братьев своих под кровлю.

– Просим, государь, – еще раз поклонился патриарх и увидел Янку. – С тобой отрок, государь? Подойди ко мне, сын мой! – обратился он к Янке. Она подошла, немного заробев.

– Как тебя звать?

– Янка, – смущенно ответила она.

– Не из поляков будешь?

– Немного, – кивнула Янка. – Дед у меня поляк.

– Значит одной веры, христианской. Православный?

– Наверное, – пожала плечами Янка и совсем смутилась.

– Как так? Крещеный?

– Не знаю.

– А который же тебе год? – удивился патриарх.

– Четырнадцатый, – соврала Янка, честно глядя на патри-

арха.

– Однако надо мальчонку крестить, государь, – сказал патриарх, когда они медленно шли в сторону монастыря. – Не гоже ему нехристом-то ходить.

– Что ж, завтра и окрестим, – сказал Петр. – Я сам крестным буду. А, Янка? – он посмотрел на нее. – Ты как, согласен?

– Вау! Круто, Пит! – восхищенно ответила Янка.

– А родители что ж тебя не окрестили? – снова спросил патриарх у Янки.

– Тут я не в теме, честно говоря, – пожала она плечами. – Бабушка коммунисткой прожженной была. А предкам все время некогда, они вечно в командировках. Поэтому наверно мне не повезло.

– За родителей ты не в ответе, а вот их ошибку мы завтра исправим, – сказал ей патриарх, мало что поняв из ее рассказа.

* * *

Они вошли в монастырь. Янке, конечно, было любопытно, но там не понравилось. Длинный коридор был освещен соляными свечами. По обе стороны кельи и только в трапезной более менее. С дороги Петр пошел в баню вместе со столыниками. Звал Янку, но она отказалась.

– Что же ты, Янка? Ведь крестины завтра, не гоже тебе

немытым быть, – укорил ее Петр.

– У меня от жары голова болит, а душа как я понимаю, здесь нет, – нашлась Янка, – я на озере скупнусь.

Они вышли на монастырский двор. Петр пошел в баню, недоумевая все-таки янкиному отказу, а Янка нырнула в калитку, находящуюся в высокой монастырской стене, от которой шла тропка к озеру.

– Смотри, не долго, поздно уже! – крикнул ей вдогонку Петр.

– Ладно! – донеслось до него уже с берега.

Янка быстро вымылась, предварительно тщательно замаскировавшись в камышах.

* * *

После бани ужинали в трапезной пирогом курником с квасом.

– А как разбойники в лесах, пошаливают? – прихлебывая квас, спросил Петр у патриарха.

– Да не сказать, чтоб шалили, но есть, – ответил патриарх, – однако не разбойники страшны, государь, слуги Софьины повсюду рыщут, опасно тебе очень-то разъезжать. Но у нас будь покоен, люди верные.

– Спасибо, отче, – сказал Петр, чуть нахмурившись, лицо его сделалось озабоченным. Потом тряхнул кудрями, словно отгоняя мрачные мысли. – Что ж, спасибо за хлеб-соль,

спать, наверное, надо, а то крестины завтра. Вон и будущий крестник уже носом клюет. – Петр засмеялся и потрепал Янку за еще влажные волосы. Патриарх поднялся, за ним поднялись все остальные.

– Пойдемте, провожу вас в ваши кельи, – сказал патриарх и вышел из трапезной. Все пошли за ним.

* * *

Келья, в которую привел патриарх, была небольшая, и чувствовалось предназначенная специально для гостей. Небольшое окошко, совершенно гладкие стены, возле окна стол, в углу икона с лампадой, две кровати у противоположных стен, лавка у стола, вот и вся мебель.

Стольников разместили в соседних кельях. Петр велел Алексашке спать тут, как он выразился, ну а Янка была уже чем-то самим собой разумеющимся. Так как кровати было только две, Меньшиков великодушно уступил ее Янке, а сам улегся на привычное для себя место на лавке, подстелив на нее одеяло. Янка тоже проявила великодушие и предоставила Алексашке свою подушку, так как вообще не умела на них спать. Он было, сначала отказывался.

– А как же ты, Янка?

– Бери, все равно она ночью на полу будет, такой вот я спальник, – она улыбнулась.

– Ну, все, кончайте базар! – вмешался Петр, уже устроив-

шись на своей кровати. – Алексашка, туши огонь!

Меньшиков задул свечу и заворочался, поудобнее укладываясь на лавке. А Янка таращила глаза в темноту. Когда они немного привыкли, она увидела через окно, что на небе мерцают звездочки. Янка приподнялась на локте, чтобы лучше видеть. А как их много, подумала она с восторгом, обожаю смотреть на звезды. Она села на кровати, но обзор звездного неба сквозь такое скупое окно не увеличился. Тогда Янка тихо слезла с кровати и на цыпочках приблизилась к столу.

– Куда? – раздался в темноте голос Петра.

– Я только чуть-чуть, на звезды посмотреть, – шепотом попросила Янка.

– Марш в кровать! – в полголоса велел Петр. – Не то я тебе на заднице такие звезды нарисую, неделю сидеть не сможешь! Живо!

– Ну, Пит, ну, немножко...

– Я кому сказал! – гневно прошипел Петр.

– Ляжь, Янка, для ради Бога от греха! – вставил голос Алексашка. – Не гневи Бога!

– И меня тоже! – добавил Петр. – Спи, Янка.

Она вздохнула и повиновалась. Но как нарочно спать не хотелось (еще бы, выспалась на корабле). Хоть глаз коли, подумала Янка, вот елки! И еще, словно бес подмывал ее подняться и уставиться в ночное небо. Ладно, подумала Янка, сейчас они выключатся, тогда и посмотрюсь, сколько захочу.

* * *

Лежа с открытыми глазами, Янка прислушивалась к дыханию своих «воспитателей». Первым засопел Алексашка, а Петр еще поворочался, повздыхал, наконец, и он засопел ровно. Порядок, подумала Янка, и тихо спустила ноги с кровати. Обулась и снова подошла к столу. Заглянула в окно, но скоро ей надоело рассматривать маленький квадратик неба, ограниченный окошком. Пойду, подышу на волю, решила она и, осторожно ступая, неслышно вышла из кельи. В коридоре монастыря было удивительно тихо, только было слышно, как во дворе монастыря постукивает колотушкой сторож.

Янка осторожно прошла по коридору, тускло освещаемому сальными свечами и на всякий случай посмотрела на часы. У, только одиннадцать, усмехнулась про себя Янка, детское время.

* * *

Она вышла во двор и тут же столкнулась с монахом-сторожем.

– Эй, малец, ты чего тут? – тихо спросил сторож.

– Да так просто... – немного смутилась Янка.

– Ты может до ветру? Так за угол зайди, – сторож указал

ей направление.

– Ага, спасибо! – уцепившись за эту идею, кивнула Янка и быстро забежала за угол.

Сторож, стуча колотушкой, пошел дальше, а Янка побегала вдоль высокой монастырской стены. Увидела небольшую дверцу в стене, и, не задумываясь, вышла за стену наружу. Осмотрелась. Монастырь стоял как на необитаемом острове – вокруг был только лес. Без гитары и сумки, которые Янка оставила на корабле в каюте Петра, было довольно непривычно, как-то пусто в руках. Поэтому она засунула руки в карманы и не спеша, пошла вдоль стены, глядя в небо. Вот это был обзор! Любуясь, Янка даже не заметила, как отошла в сторону леса.

Янка нашарила в кармане три золотых из подаренных Петром, которые она взяла с собой на всякий случай, и проверила привязанный к резинке в рукаве складной нож, тоже взятый на всякий случай. Крепко пахло травами, земляникой, сверчили кузнечики, где-то квакали лягушки. Янка присела возле какого-то дерева на траву и уставилась в усыпанное звездами небо XVII века. Засмотревшись, Янка забыла все на свете.

* * *

Вдруг... тонкий ее слух уловил тихий говор и шорох шагов. Янка прижалась к дереву, отползая немного в траву.

От леса отделились две тени. Янка насторожилась, романтическое настроение мгновенно улетучилось. Она бесшумно спряталась за ближайший куст и стала наблюдать. К дереву, возле которого она только что мечтала, подошли двое мужчин в стрелецкой одежде. Янка затаила дыхание.

– Федька сказал, что царский щенок вроде вышел отель. – он кивнул в сторону монастыря. – И чего ему не спится? – он зевнул и почесался.

– И на кой черт Софье сей мальчишка? – недовольно сказал второй. – Вот ищи его теперя, эка темнотища, хоть ба луна была.

– Его, Федька сказывал, уж давно у младшего-то государя приметили. Больно уж, говорят, умен. Софье, вишь, zelo интересно, чего государь подельывает, вот она и велела того щенка изловить, да и выпросить. Дитё, известно быстрее скажет, чем кто другой.

Янка похолодела. Интересно, подумала она, их только двое или целый гарнизон. Ей стало не по себе. А стрельцы, тем временем приблизились к ее кусту, оглядывая деревья.

– И чаво нас с тобой послали? – снова заговорил один из них. – Наврал твой Федька, нету тут никого.

– Да нет, он вроде к леску двинул, далеко не ушел, где-то тут ходит, пошли дальше.

Надо сматываться, подумала Янка, и только хотела отползти на четвереньках подальше, как под ногой громко треснул сучок. Янка мысленно выругалась и замерла.

Стрельцы тоже остановились.

– Слыхал? Вроде ходит кто-то.

– Да нет, почудилось.

– Глянь, а куст будто шевелится!

Они подошли к янкиному кусту. Она замерла и даже за-
таила дыхание. Стрельцы снова прислушались.

– Ветер, наверное, – сказал один. – Пойдем дальше, по-
глядим.

* * *

Они отошли, а у Янки как на грех защекотало в носу. Она обеими руками зажала его, чтобы не чихнуть. Если чихну, мне конец, пронеслось в голове. А проклятый чих прямо как пером лазил в носу и провоцировал Янку на это самоубийство. Только бы они отошли подальше, мысленно молила она, теребя и зажимая нос, едва не отрывая его. Щекотание вроде прекратилось, Янка облегченно вздохнула и тихонько поползла в сторону монастыря, прислушиваясь к каждому шороху. Но на этот раз слух ее подвел, стрельцы ушли не очень далеко. Янка обнаружила это только когда высунулась из травы. И, не успев зажать нос, громко чихнула. Стрельцы обернулись на шум.

– Гляди-ка, вот он! Окружай его! – они с двух сторон пошли на Янку. Путь к монастырю был отрезан, оставался только лес. Янке некогда было думать, и она бросилась бе-

жать.

– Ах ты, дьявол! Стой, щенок! – и стрельцы бросились за Янкой.

* * *

Петр проснулся ровно через час после того, как Янка тайком ушла из кельи. Ему захотелось пить, и он растолкал Алексашку.

– Сашка, черт, спишь? Дай квасу!

Меньшиков очумело вскочил с лавки, почесываясь, налил в кружку квасу из кувшина, стоящего на столе, подал Петру и зевнул. Петр напился и мельком глянул на янкину кровать. Пусто! Он сорвался с места:

– А Янка где?!

– Не знаю, мин херц. – сразу проснувшись, пожал плечами Алексашка. – Может до ветру вышел?

– Что ж подождем, как придет. – нехорошо усмехнулся Петр, мысленно уже обрывая Янке уши. Прошло минут десять, Янка не появилась. Алексашка уже начал задремывать. Прошло еще пятнадцать минут. Петр заволновался по-настоящему.

– Кажись беда, мин херц! – тоже встревожился Меньшиков.

– Буди всех! – велел ему Петр, на ходу хватая кафтан. Алексашка торопливо надел штаны и вышел. Через две ми-

нуты все были на ногах. Для начала Петр велел поискать в монастыре и на дворе. Поиски ничего не дали. Он послал поглядеть вокруг, результат тот же. Начали расспрашивать сторожа.

– Видал я твоего парнишку, государь, – с поклоном ответил тот. – С час назад али более, не скажу. Он вроде до ветру вышел, ну, я показал, куда пойти, а сам вокруг пошел и больше его не видел.

– Покажи, куда он пошел, – велел Петр. Сторож повел его за угол здания.

– Вон туда, государь.

– Мин херц, гляди-ка. – Алексашка указал на каменную стену, в которой была дверца. Она была приоткрыта. Петр вышел наружу. От дверцы шла тропка к озеру.

– Пошли людей озеро проверить, – упавшим голосом сказал он Меньшикову. Тот сразу понял его опасение.

– Мин херц, ты только не думай про плохое!

– Дурак! – взорвался Петр. – Мальчишка пропал, а ты каркаешь! Ступай! Живо!

Алексашка, тоже напуганный исчезновением Янки, мигом бросился исполнять приказ царя. Только бы с ним ничего не случилось, подумал Петр, с волнением глядя, как люди с факелами и баграми поплыли в лодках по озеру. Патриарх, тоже разбуженный происшедшим, направил несколько монахов к лесу.

– Рано тревожиться, государь, – спокойно говорил он Пет-

ру, приведя его в трапезную и усадив на лавку. – Ничего еще не случилось, найдется твой постреленок.

– Янка, братишка, где же ты? – одними губами произнес Петр.

* * *

В трапезную вошел монах, из посланных патриархом на поиски к лесу.

– Нашли, государь! – махнул он поклон.

– Янку?! – вскинулся Петр.

– Нет, шапчонку его, – монах подал Петру синюю бейсболку.

– Где нашли?

– Да тут, недалеко в лесу.

– Веди туда! – Петр решительно встал, сжимая в руке бейсболку, и стремительно вышел за монахом. Тот привел его к тому месту, откуда начался побег Янки. Подошел патриарх в сопровождении двух монахов державших факелы. Они осветили место происшествия.

– Натоптано, словно табун пробежал, – рассматривая помятую траву, сказал Петр.

– Гляди, государь, тут еще следы, – сказал патриарх. – Уж не разбойники ли?

Подошел Алексашка.

– Мин херц, трудновато в потемках искать на озере.

– Он не утонул, – уверенно сказал Петр. – Гляди, – он указал на траву. Алексашка глянул и даже свистнул. Петр показал ему янкину бейсболку.

– Да, незадача, – почесал в затылке Меньшиков. Он взял у одного из монахов факел и осветил следы. – Нет, это не разбойники, – уверенно сказал он, наконец.

– А ты почему знаешь? – спросил Петр.

– А вот гляди, – он осветил следы, наклонясь к самой земле. – Видишь, вот тут каблук, а вот здесь. – Алексашка провел пальцем по следу. – Здесь подковка.

– Ну и что? – спросил Петр, присев рядом на корточки.

– А то, я эти подковки очень даже хорошо знаю. Когда еще пирогами на базаре торговал и пинки получал. Стрелецкие подковки-то, мин херц.

– Так. – Петр поднялся и нахмурился. – Стрельцы. А где стрельцы, там и Софья. Все поиски перенести в лес! – велел он.

– Не пойдет так, государь, уж ты прости, – вмешался патриарх. – Такая темень. До утра подождать придется. А то время потратим и все без толку.

– А вдруг они его поймают?! – с волнением спросил Петр.

– Не думаю, – усмехнулся патриарх. – Такого зайца в чистом поле мудрено поймать, не то, что в лесу. Коли до утра не объявится, тогда и искать будем. А пока отдохни, государь, да и людей успокой.

– Да какой тут отдых. – Петр вздохнул и повернулся к

Алексахке. – Ступай, скажи, что поиски до утра откладываем, – и когда тот ушел, снова вздохнул и пошел с патриархом в монастырь.

* * *

Янка неслась, не разбирая дороги, а где-то недалеко трещали сучки, и доносилась ругань стрельцов. Она бежала, уже не чувствуя ног, ветки хлестали по лицу. Янка обернулась, ничего не было видно, но по доносившемуся хрусту и ругани, она поняла, что преследователи близко. Оглядываясь, она побежала вперед, но тут споткнулась и щучкой угодила в густые заросли папоротника. Припав лицом к земле, Янка отчаянно ждала конца. Тем временем нарастающий хруст веток смолк совсем рядом. Стрельцы подбежали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.